«КОЛАМБИЯ ПИКЧЕРЗ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Анфиса и Женька

Татьяна Полякова

«Коламбия пикчерз» представляет

«Эксмо»
2007

Полякова Т. В.

«Коламбия пикчерз» представляет / Т. В. Полякова — «Эксмо», 2007 — (Анфиса и Женька)

ISBN 5-699-20645-0

В глухих северных лесах стоит старинный монастырь… Недалеко от монастыря есть деревня, в которой никто никогда не был. Все ее жители как один колдуны и не пускают чужих в свое поселение. Когда появляется рядом с монастырем колдун, непременно случается несчастье… Страшно? Только не Анфисе и Женьке. Им все это страшно интересно. Что-то явно здесь нечисто. Дух авантюризма и любовь к романтическим приключениям не дает подружкам уехать из этого милого местечка, не разгадав всех его тайн…

ISBN 5-699-20645-0

© Полякова Т. В., 2007
© Эксмо, 2007

Содержание

Татьяна Полякова 5
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Татьяна Полякова
«Коламбия пикчерз» представляет

– Бред какой-то, – сурово отрезала я, отбрасывая письмо в сторону, покосилась на Женьку и невольно вздрогнула, так и не привыкнув к ее новому облику.

Надо сказать, подружка неустанно экспериментировала, являя себя миру то блондинкой, то брюнеткой, то рыжей, иногда предпочитая что-нибудь и вовсе экзотическое: шевелюра вдруг становилась интенсивно оранжевой или кислотно-зеленой. Меня неизменно удивляли два факта. Первый: какого бы дикого цвета ни были ее волосы, Женька чувствовала себя уверенно и вполне комфортно. Даже когда у случайных прохожих глаза буквально лезли на лоб при виде всего этого великолепия, Женька лишь загадочно улыбалась и шла себе дальше. Подозреваю, в глубине души она собой гордилась и считала, что ее миссия в том и состоит, чтобы вгонять в столбняк прохожих.

Вторым достойным удивления фактом было то, что после многочисленных экспериментов подружки волосы на ее голове все еще имели место быть, причем выглядели так, что приходилось признать: дикие Женькины фантазии им только на пользу.

Сейчас ее волосы отливали серебром. Девять человек из десяти решительно заявили бы, что это парик, и оказались бы не правы. Неустанными, я бы даже сказала, титаническими усилиями Женька добилась того, что они сияли как новенькая серебряная монетка, делая ее похожей на снежную королеву из сказки, однако целостного образа не получилось: Женька только что вернулась из Испании, где загорела дочерна, и теперь серебристые волосы обрамляли смуглое лицо, на котором нездоровым блеском светились огромные глаза. Было от чего вздрагивать.

– Ты похожа на ведьму, – не удержалась я.

Женька нахмурилась:

– Надеюсь, это комплимент?

– Вот уж не знаю.

– Странно, – хихикнула Женька. – Обычно ты все знаешь.

– Я-то думала, это ты у нас обладательница столь замечательного качества, – съязвила я и тут же устыдилась. С Женькой мы дружили с детства и, несмотря на редкие поползновения с обеих сторон, так и не смогли ни разу всерьез поссориться. Вот и сейчас Женька пожала плечами и заметила:

– Мы отвлеклись, – после чего передвинула письмо ближе ко мне. Я поморщилась и повторила:

– Полный бред.

– А по-моему, на него стоит обратить внимание. В конце концов человек просит тебя о помощи, и ты…

– Ничего она не просит, – вздохнула я, вновь пробегая глазами строчки письма и жалея, что начала разбирать почту в присутствии подружки.

Вообще-то, встречаться с ней сегодня я вовсе не собиралась. Два часа назад я вернулась из Москвы и намеревалась посвятить остаток дня уборке квартиры. Заехала в супермаркет и на стоянке едва не столкнулась с Женькой, точнее, с ее машиной. Подружка не сразу заметила мою «Ауди», потому что была очень занята: истошно сигналила, орала в окно обалдевшему парковщику, что он редкий придурок, и показывала средний палец правой руки парню на иномарке, который не спешил ее пропустить. Точнее, он был не против, но не имел возможности, так как я на своей машине мешала ему произвести необходимый маневр. Женька одна изда-

вала столько шума, что хватило бы на десятерых, но тут я поторопилась внести свою лепту, открыла окно и завопила:

– Женя! – и была услышана.

Женька прекратила сигналить, орать и делать непристойные жесты и, счастливо улыбаясь, прокричала в ответ:

– Привет, Анфиса. Ты когда вернулась?

– Только что.

– Как Ромка?

– Нормально.

Парковщик продолжал стоять пнем, парень на иномарке страдальчески закрыл глаза и признаков жизни не подавал, зато в цепочке машин, выстроившейся возле шлагбаума, наметилось волнение.

– Девушки, может, вы найдете другое место поболтать? – заорал кто-то.

Женька высунулась в окно и грозно поинтересовалась:

– Кому это там некогда?

– Женечка, – робко влезла я. – Может, мы в самом деле…

– Ты сюда или отсюда? – спросила подруга.

– Я домой.

– Ладно, тогда я к тебе в гости.

Женька стала разворачиваться, лица мужиков в сопредельных машинах приобрели мучнистый оттенок, над стоянкой нависла тишина, особо нервные зажмурились и вжали головы в плечи, парень на иномарке успел юркнуть в сторону, зеркала на его и Женькиной машине сложились, а она весело проорала в окно:

– Не дрейфь, солдат ребенка не обидит, – и наконец-то покинула стоянку.

Я выехала следом, дюжий дядька покрутил пальцем у виска, глядя нам вслед, что я сочла обидным, и, забыв про хорошее воспитание, показала ему язык.

– Ужас какой-то, – сказала Женька, притормаживая и пропуская мою машину вперед. – По городу ездить невозможно, кругом одни идиоты, как они медкомиссию проходят, там же справку из дурдома требуют.

– Ага, – вяло молвила я, вышла из машины и направилась к Женьке. Она с чувством меня расцеловала и вдруг задумалась.

– Ты не в курсе, чего я в торговом центре хотела?

– Нет, откуда? Ты мне ничего не говорила.

– Да? Как отрезало. Не поверишь, не могу вспомнить, а ведь зачем-то я туда ехала?

– За продуктами?

– Зачем мне продукты?

– Есть, наверное, – съязвила я.

– Тебе прекрасно известно, что питаюсь я в кафе. Кстати, не худо бы перекусить. Ты как?

– Я пельменей купила. Поедем ко мне?

– Поедем. Давай тогда мою тачку на стоянке бросим, а я у тебя ночевать останусь, расскажу про этого мерзавца Пастухова.

В другое время я бы попыталась избавить Женьку от мысли ночевать у меня и уж тем более от необходимости рассказывать о мерзавце Пастухове. О нем я слышала постоянно вот уже два месяца с тех самых пор, как он стал Женькиным шефом и по совместительству любовником. Тихого, зашуганного женой Пастухова Женька соблазнила буквально в первый же день его работы в новой должности. Тот, как видно, ничего не знал о вреде служебных романов для душевного здоровья, за что сейчас и нес заслуженное наказание. Подружка, как водится, обвиняла его во всех смертных грехах, хотя на самом деле у него был лишь один грех, но существенный: он нимало не походил на идеального возлюбленного, каким его представляла себе

Евгения Петровна. Боюсь, таких мужчин в природе попросту не существует, на что я Женьке неоднократно намекала. Она презрительно фыркала и продолжала клеймить подлеца Пастухова. Так вот, в другое время от необходимости слушать гневные Женькины речи я бы пришла в ужас и попыталась бы как-то отвертеться, но в тот момент я так обрадовалась подружке, что готова была потратить вечер на разговоры о чем угодно, лишь бы не сидеть в одиночестве.

С самого утра на меня напала тоска. Ромку отправили на учебу, и вдруг выяснилось, что без мужа я чувствую себя очень неуютно, то есть, если честно, очень скверно я себя чувствую. Отправляя его в Москву, я думала, как расчудесно отдохну, пока он постигает науки: во-первых, не надо будет готовить (Ромка комплекцией и аппетитом походит на динозавра, что создает мне определенные трудности), во-вторых, не надо то и дело отвечать на его звонки (с этим, правда, вышла незадача, муж и из Москвы звонил по двадцать раз на дню, выбрасывая наши деньги на ветер), а главное, вволю буду встречаться с подружками, болтать по ночам по телефону, и никто не станет меня изводить ехидными замечаниями, а также ворчать, что в этом доме муж никому не нужен, в этом доме только подружкам рады, и прочую чушь.

В общем, я надеялась устроить себе отпуск и, провожая Романа Андреевича, мечтательно улыбалась, чем вызвала его суровый взгляд с намеком на недоверие. Но стоило Ромке уехать, как явилась тоска. В квартире стало подозрительно тихо, к девчонкам не хотелось. Точнее, вообще ничего не хотелось. Я подумала, что жить без любимого предстоит довольно долго, и запечалилась по-настоящему. Разумеется, он приезжал при каждом удобном случае, и я ездила к нему (до Москвы на машине меньше двух часов от нашего города), но лучше мне почему-то не становилось. Я решила, что должна засесть за работу, и начала новый детективный роман, но работа шла ни шатко ни валко, и я подозревала, что сегодня за письменный стол вообще не сяду. Оттого Женьке и обрадовалась, будет чем оправдать собственную лень.

Я плавно тронулась с места, Женька двигалась за мной, таким образом мы въехали во двор ее дома. Оставив машину на стоянке, подружка пересела ко мне, взглянула пристально и присвистнула:

– Вижу, что болезнь прогрессирует.

– Отстань, – отмахнулась я.

– Чего ты киснешь? – не унималась Женька. – Ромка твой не по бабам шляется, а занят делом. Опять же, звонит без конца. Кстати, ты не пробовала его обучить чему-то полезному, «эсэмэс» посылать, к примеру? Сэкономили бы деньги…

– Отстань, – повторила я.

– Ладно, ладно… я тебе завидую, – вдруг вздохнула подружка. – Вот ты мужа любишь, а я до сих пор одна на всем белом свете. А ведь годы идут и вообще…

– Женечка, ты еще встретишь свое счастье, – жалобно заговорила я.

– Ага. Встретишь. Думаешь, мужики-то на дороге валяются? Да и сказать по чести, я не встречала стоящих. Роман Андреевич не в счет, – поспешила заверить меня подруга. Я согласно кивнула. Не могу сказать, что мое счастье с Романом Андреевичем было совершенно безоблачным, иногда мне всерьез хотелось огреть мужа чем-то тяжелым, но теперь, когда он был вдалеке… в общем, я воспылала еще большим сочувствием к подруге.

– Да, времена нынче… – вздохнула она и покачала головой. – Боюсь, так и помру в девках…

От эдакой перспективы мы на некоторое время остолбенели, но сзади посигналили, я вспомнила, что нахожусь за рулем, потом подумала, что умереть в девках подруге все-таки не грозит, то есть выражается она фигурально. Если стоящие мужики на дороге не валяются, то прочих пруд пруди, и Женька неустанно экспериментировала с ними, примерно как и с прической: то у нее был слесарь из автосервиса (это чтобы было кому за машиной приглядеть), то бизнесмен (как раз с одним таким бизнесменом она и отдыхала в Испании), то несчастный Пастухов; что с ним делать, Женька понятия не имела и оттого здорово злилась.

– Он готов уйти из семьи, – немного невпопад заявила подружка.

– Кто? – не поняла я.

– Пастухов, конечно.

– К тебе уйти?

– Естественно.

– Женечка, я не поняла: это хорошо или плохо?

– Чего же хорошего? Сама посуди, на фига мне это счастье? Он старше меня на двенадцать лет, плешивый, смотрит в рот и боится слово сказать. О таком ли мужчине я мечтала всю жизнь?

– Он тебе совсем не нравится?

Женька трагически кивнула.

– Тогда зачем ты его соблазнила?

– Не знаю. Наверное, по привычке. Мужик рядом, и он казался таким забавным.

– Ну и бог с ним, с Пастуховым, скажи ему, что ваша встреча была ошибкой.

– Как-то неудобно. Выходит, что отдалась я ему не по любви, а это неприлично. Нет, лучше убедить его, что это он меня не любит, а гнусно воспользовался своим служебным положением и…

Пастухова мне стало по-настоящему жаль, я покосилась на подругу, еще раз невольно поежилась и вздохнула. В этот момент у меня зазвонил мобильный, что и послужило началом нашей истории. Разумеется, тогда я не догадывалась о подарке, который готовит нам судьба, достала с помощью Женьки телефон из сумки и ответила.

– Анфиса Львовна? – мужской голос звучал почему-то укоризненно.

– Да-да, слушаю вас.

– Это из Союза писателей, – недовольно продолжил мужчина, а я наконец сообразила, кто звонит, и приуныла. – У нас тут для вас почта, соблаговолите зайти и забрать адресованные вам письма.

– Хорошо, я непременно…

– Я буду находиться в своем кабинете еще сорок пять минут. Надеюсь, вам этого времени хватит.

Только я собралась ответить, как послышались гудки.

– Вот черт, – буркнула я, отбрасывая телефон.

– Кто звонил? – спросила Женька.

– Ипатов, – вздохнула я.

– Что от тебя гению понадобилось?

– Там письма пришли на мое имя, просил забрать.

– Ну так давай заглянем к старику, – оживилась она.

Заглядывать к Ипатову я не собиралась, письма могут немного и подождать, но Женька скомандовала:

– Сворачивай, здесь к их лавочке ближе. – И я покорно свернула, злясь на себя за это.

Тут надо пояснить, почему мне не хотелось встречаться с Ипатовым и почему Женьке не терпелось его увидеть. Несколько лет назад, когда я написала свой первый роман, Женька потащила меня в литературный кружок, где царил гениальный Ипатов. Женька тогда писала рассказы о животных и всячески пыталась приохотить меня к литературе, точнее, к этому самому кружку. Свой первый роман я тоже начала писать после ее настойчивых увещеваний, и, разумеется, она сочла необходимым показать его знающим людям. Знающие люди роман прочитали и посоветовали мне заниматься своим делом (в ту пору я работала в туристической фирме), однако Женька проявила завидную настойчивость и, несмотря на отзывы товарищей по кружку, отправила роман в одно из московских издательств. Вскоре роман напечатали. С этого, собственно, и началась моя писательская карьера. С тех пор я успела написать полтора

десятка романов и стала одним из популярных авторов. Женька не без ехидства напоминала о нашем знакомстве Ипатову при каждой встрече с ним, особо напирая на мою популярность. Кружок ей пришлось оставить, но с Ипатовым она часто встречалась на различных мероприятиях. Завидев Женьку еще издали, он заметно менялся в лице и торопился смыться, и это несмотря на бесплатную выпивку и бутерброды. Можете представить, какие добрые чувства питал ко мне глава нашей писательской организации, поэтому неудивительно, что разговаривал он со мной сквозь зубы.

Мы подъехали к двухэтажному особняку в центре города. Здесь располагалось управление культуры, комната на втором этаже была выделена писательской организации, туда мы и направились. Я постучала и робко заглянула в кабинет. Ипатов сидел за столом и мирно дремал. Грузный дядька лет семидесяти, с круглым бородатым лицом, грустными глазами и носом-картошкой. Толстовка, стоптанные ботинки, мешковатые брюки, которые не мешало бы выстирать. Встретив Ипатова на улице, ни за что не догадаешься, что он гений, впрочем, сам себе Ипатов нравился, а не брился и не мылся он по идейным соображениям, по крайней мере так утверждала подружка.

– Здрасьте, – громко сказала она, внедряясь в кабинет. Ипатов вздрогнул, открыл глаза и вздрогнул вторично. – Рада вас видеть, – радостно заявила Женька, пробираясь к столу, я продолжала стоять у двери.

– Это вы, – трагически сказал Ипатов, как видно, узнав Женьку по голосу.

– Да. Вот пришла с подругой забрать письма ее многочисленных поклонников.

– Забирайте, – кивнул Ипатов в сторону внушительного вида пачки писем на краю стола. Женька не торопясь перебирала конверты, с удовлетворением заметив:

– Со всего света пишут.

– Гибнет Россия, гибнет, – буркнул Ипатов.

Только Женька собралась ответить, как я, быстро приблизившись, схватила ее за руку и потянула к двери. Женька на ходу засовывала письма в сумку. Ипатов с томлением смотрел на муху, устроившуюся на пыльной люстре, а я вздохнула с облегчением, только когда мы оказались в коридоре.

– Охота тебе дразнить старика, – возмущенно заметила я.

– А чего он каркает? Гибнет Россия… потому что его опусов не читают? Так это ж читать совершенно невозможно, я пробовала четыре раза. Уж насколько я ко всему привыкшая, я имею в виду, какой только хрени читать не приходится на моем боевом посту, и то не осилила, а что говорить о людях малоподготовленных? То ли дело у нас ты… Читаю и, можно сказать, душой отдыхаю. Иди поцелую, гений ты мой. – Женька чмокнула меня в нос, и мы направились к выходу. – Как твой новый роман?

– Никак, – вздохнула я.

– Тебе надо встряхнуться. У меня еще десять дней отпуска, давай махнем куда-нибудь?

– А Ромка?

– Что Ромка? Ромка твой грызет гранит науки, вот и пусть грызет, лишь бы зубы себе не обломал.

– Хорошо, можем завтра поехать за город, позагорать.

– Позагорать само собой. Слушай, тебе не кажется, что в нашей жизни не хватает приключений?

– Ну… – усомнилась я. Если честно, приключений в нашей жизни хватало, несколько раз мы с подружкой запросто могли головы бы лишиться, если бы не вмешательство моего мужа, полковника спецназа, кстати.

– Не хватает, – отрезала Женька. – Жить надо так… – В этом месте она споткнулась и выругалась: – Черт… – А я хихикнула. – Ладно, поехали пельмени есть, – вздохнула подружка.

С пельменями было покончено быстро. Женька вспомнила про письма и пошла за своей сумкой, а я стала мыть посуду.

– Ну что, почитаем, что люди пишут, – сказала она, вернувшись и устраиваясь за столом. Женька надорвала первый конверт и начала читать: – Уважаемая Анна…

Я писала романы под псевдонимом Анна Асадова, псевдоним мне придумала Женька, она же намеревалась написать историю моей жизни, присовокупив к ней свои воспоминания. Надеюсь, это случится после моей кончины, когда мне, по большому счету, будет все равно, что обо мне граждане думают. При Женькиной фантазии сделать из моей жизни романтический триллер с элементами порнографии – раз плюнуть.

– Когда я впервые увидел вас… так… – Женька взяла в руки конверт и удовлетворенно кивнула. – Ясно. Из мест лишения свободы беспокоят. Где это он тебя видел? Слушай, а у них там телики есть?

– Откуда мне знать?

– Может, и правда видел. Тебя на той неделе опять по телику показывали.

– Читай дальше.

Женька продолжила чтение, давясь от смеха, вскоре мы уже хохотали в голос.

– Да… талант у парня.

– Уверена, это коллективный труд, – усмехнулась я.

– Ага. Небось всем бараком писали. Ох уж эти мужики… Так, меняем тему. Вот, пенсионерка пишет, приятно глазу: коротко и не по делу. Книги ей твои нравятся, а вот ремонт в подъезде так и не сделали, хотя третий год обещают. Школьницы пишут, ну, эти молодцы, если не считать грамматических ошибок… Приглашение на встречу ветеранов… Еще приглашение, какой-то Липатов зовет тебя на презентацию своей книги. Знаешь Липатова?

– Нет.

– Значит, не пойдем.

Я домыла посуду, поставила на плиту чайник, и тут Женька сказала:

– Анфиса, посмотри-ка… – и протянула мне письмо.

Небрежно вырванный из тетрадки листок в клеточку, на нем крупным почерком было написано: «Уважаемая Анна. Вы пишете детективы, а моя жизнь в последнее время превратилась в детектив. Меня преследуют. Я боюсь… нет, я уверена, что меня хотят убить. Это все из-за родового проклятья, из-за страшной тайны, в которую я невольно посвящена. Я не могу никому доверять, близкие люди стали врагами, я одна и совсем беспомощна. С уважением, ваша давняя читательница и почитательница Кошкина Мария Степановна».

Вот тогда я и заявила, что это полный бред, а Женька по обыкновению начала спорить:

– А если тетка не чокнутая, и в самом деле…

– Что в самом деле? – передразнила я. – Ее жизнь превратилась в детектив? Близкие люди стали врагами? Еще страшная тайна и родовое проклятье. Можно смело ставить диагноз.

– И фамилия какая-то дурацкая, – кивнула Женька. – Кошкина…

– Фамилия обыкновенная, а вот письмо… Ладно, бог с ней, с Кошкиной, и ее фантазиями. Читаем дальше.

Женька надорвала следующий конверт, но читала уже без задора. Чувствовалось, что неведомая Кошкина не шла у нее из головы.

– Все, – вздохнула она, откладывая последнее письмо. – Больше ничего интересного.

– Пойду Ромке позвоню, – сказала я и отправилась в прихожую, где у нас стоит телефон. Поболтав с мужем, я вернулась в кухню и застала Женьку с конвертом в руке.

– Анфиса, а Кошкина эта из нашего города. Вот здесь и адрес есть. Холмогорская, пять, квартира тринадцать.

– И что? – нахмурилась я.

– Холмогорская – это где-то в Западном районе?

– Возможно.

– На машине полчаса, – не унималась подруга.

– Не болтай ерунды, – разозлилась я. – Приедем мы к этой Кошкиной, и что? Она нам расскажет идиотскую историю, которую, кстати, придется выслушать до конца, неудобно убегать, раз сами приперлись.

– А вдруг она вовсе не чокнутая? – нахмурилась Женька.

Признаться, ее упрямство меня удивило. Не первый год работая журналисткой, она постоянно получала письма и с ходу бралась определить, псих их писал или «так себе». И вдруг… Это меня насторожило. Я устроилась напротив нее, помолчала и спросила:

– Номера телефона Кошкиной там случайно нет?

– Нет.

– Жаль. Могли бы позвонить, чтобы убедиться, что эта Кошкина… Неужто ты в самом деле думаешь… Я уверена, это глупый розыгрыш, – тряхнув головой, решительно заявила я. – И никакой Кошкиной в помине нет.

– Так давай проверим, чего проще? – подняла на меня взгляд Женька.

– Хорошо, проверим, – не стала я спорить. – И если окажется, что я права, будем выглядеть распоследними дурами.

– Всегда можно сказать, что ошиблись адресом.

Через двадцать минут мы спустились к моей машине, которая стояла под окнами, а еще через полчаса кружили по Западному району в поисках улицы Холмогорской. Никто из прохожих, к которым мы обращались за помощью, о ней толком ничего не знал, вроде бы улица где-то рядом, но вот где? Это еще больше убедило меня в том, что нас разыгрывают, нет никакой Кошкиной, да и улицы Холмогорской тоже нет. Только я собралась заявить об этом Женьке, как она, ткнув пальцем куда-то влево, завопила:

– Вот она!

И в самом деле, слева начиналась улица, на ближайшем доме была табличка «Холмогорская, 1».

– Третий по счету дом должен быть наш, – удовлетворенно кивнула Женька.

Я торопливо свернула. Третий по счету дом был под номером 5а, в глубине двора высилась сталинка с внушительного вида аркой.

– Это там, – заволновалась Женька. Ее волнение внезапно передалось мне.

Мы въехали в чистенький дворик с детской площадкой, скамейками и котами, которые с важным видом наблюдали за нашим приближением.

– Тринадцатая квартира в первом подъезде, – кашлянув, заметила Женька. Я согласно кивнула. Приткнув машину возле палисадника с цветущей космеей, мы вошли в подъезд.

Несмотря на отсутствие кодовых замков и домофона, в подъезде было чисто, на окне стояли цветы, у каждой квартиры лежал половичок. Лифта не было. Мы поднялись на четвертый этаж и замерли перед тринадцатой квартирой. Дверь была выкрашена коричневой краской, рядом на стене три звонка, снабженные табличками с фамилиями.

– Коммуналка, – прокомментировала Женька и нажала кнопку напротив фамилии Кошкина.

Пару минут мы выжидали, потом Женька надавила на кнопку еще раз – с тем же успехом.

– Ее нет дома, – пожала я плечами, почувствовав облегчение. Несмотря на слова подружки, наш визит сюда представлялся мне довольно глупым и уж точно бесполезным. Сердито взглянув на меня, Женька позвонила еще раз, теперь уже соседям. Я отвернулась, не желая сие комментировать.

Наконец дверь открылась, и я увидела тетку неопределенного возраста, с синеватым лицом, выдающимся носом и глазами навыкате; она удрученно взглянула на нас, и стало ясно: мы оторвали ее от важного дела, о чем сейчас лично я горько сожалела.

– Здравствуйте, – кивнула Женька, и я тоже, успев сообразить, что проку от разговора с теткой не будет.

Тетка попыталась произнести нечто членораздельное, поняла, что ничего из этого не выйдет, и с грустью вздохнула, уставившись себе под ноги.

– Соседка ваша дома? – упрямо напирала Женька. Тетка вновь взглянула на нас и покачала головой. – А где она?

Тетка махнула рукой – это могло означать что угодно, от «не знаю» до «катитесь отсюда», – и пошла прочь, забыв закрыть дверь. Женька заглянула в прихожую, намереваясь последовать за ней, и тут в поле нашего зрения возникла девица лет семнадцати, прошипела «зараза» и отвесила тетке пинок, на который та никак не отреагировала, после чего девушка хмуро покосилась в нашу сторону.

– Вам кого?

– Кошкину, – хором ответили мы.

– Нет ее, – сообщила девица, намереваясь закрыть дверь.

– А где она?

– Откуда мне знать?

– Она работает? – не унималась Женька.

– Не-а, она на инвалидности.

– Значит, ушла куда-то?

– Наверное.

Девица томилась, я ожидала, что она, не выдержав, захлопнет дверь перед моим носом, но Женька шагнула вперед, оказалась в прихожей, и девица поняла, что безнадежно опоздала.

– Я из газеты, – сообщила подружка таким тоном, точно зачитывала приказ реввоенсовета. Девица забеспокоилась и со вздохом спросила:

– На мамку соседи жаловались?

– Какая еще мамка? – возмутилась Женька.

– Моя, естественно, – кивнула девица в глубину квартиры. Тетка, что открыла нам дверь, со счастливой улыбкой на устах размазывалась по стенке.

– А что мамка-то, буйная? – на всякий случай проявила интерес Евгения Петровна.

– Нет.

– Чего ж тогда жалуются?

– Она песни поет, громко.

– Нас, собственно, Кошкина интересует, – вмешалась я. – Мы получили ее письмо…

– На мамку жаловалась?

– А было за что?

– Нет. Они вроде ничего, уживаются. Мамка, когда из запоя выходит, такая душевная делается. Ее все бабки жалеют, а пьет она по слабости характера. Батя от нас свалил, козел старый, а мамка все никак не угомонится. Пока он с нами жил, она все охала, что он пьяница, дал бы бог спокойно хоть чуть-чуть пожить, прибрав батяню. А он какую-то дуру нашел и к ней свалил. Мамке нет бы радоваться, так она сама запила. Полный дурдом.

– Нам бы Кошкину, – со вздохом напомнила я.

– Так ее нет, – удивилась девица.

– Это мы уже поняли, – кивнула Женька, ее терпению можно было позавидовать. – Вопрос, когда она ушла и когда, предположительно, вернется?

– Да ее, наверное, дня три как нет.

– Уехала куда-то?

– Наверное. – Чувствовалось, что девицу разговор уже утомил и она не знает, как от нас избавиться, но тут тень вдохновения пала на ее лицо, и она заявила: – Надо у Петровны спросить, она все знает.

Девушка резво направилась к третьей справа двери и громко постучала, махнула нам рукой, приглашая приблизиться, и распахнула дверь.

Возле окна сидела женщина лет шестидесяти, вязала крючком кружево из белых ниток и тихо что-то говорила коту, красавцу килограммов семи весом в ярко-красном ошейнике. Кот почесывал за ухом и иногда в такт ее словам кивал.

– Петровна! – заорала девица. Мы от неожиданности подпрыгнули, женщина подняла голову, отложила вязание и не спеша вытащила из ушей беруши.

– Чего ты орешь? – спросила сердито.

– Как не орать, если ты ничего не слышишь? Тут Кошкину спрашивают, из газеты.

– Из газеты? – Женщина с минуту нас разглядывала, потом предложила: – Проходите.

Мы прошли, и девица с облегчением закрыла за нами дверь.

– Здравствуйте, – громко начала Женька. Женщина посмотрела укоризненно:

– Я отлично слышу. Зойка в запое, Юлька ее воспитывает, они целый день орут, кот на кухню боится выходить, хотя должен был привыкнуть. Она что, в газету жаловалась? – внезапно сменила тему женщина.

– Нет, – честно ответила Женька и кивнула на меня. – Она прислала нам письмо, довольно странное. У нее как с головой вообще?

– С головой у нее нормально, – вздохнув, ответила женщина и вдруг в лице переменилась. – Было, до недавнего времени.

– Так, – обрадовалась Женька бог весть чему. – А с недавнего времени?

– С недавнего времени чудить стала.

– Интересно. А поподробнее нельзя?

Петровна махнула рукой:

– Кто-то у нее в комнате обыск устроил. Это она так говорит. В ее отсутствие в вещах роется. Замки принялась менять. Стала нервная, вроде как не в себе. Я, признаться, вспылила, потому что обидно стало: кто в ее комнате шарить может? Я, что ли? Вроде как она намекает. Кому такое понравится? Ну, я ей и сказала… разругались мы, одним словом, и с тех пор не разговариваем. Хотя, если честно, – понизила голос женщина, – Зойка вполне могла в ее комнату заглянуть. Ключ Машка раньше в столе на кухне оставляла, а Зойка в белой горячке, когда бутылку ищет, куда хочешь залезет. Хотя какая у Машки бутылка? Она не пьет ничего, кроме чая…

– Она ведь на инвалидности? – решила вмешаться я.

– Ага. Уж года три. Сердце больное. Нервничать ей никак нельзя, а тут она такое выдумала. С чего бы? Хотя Зойка…

– Соседка сказала, что Кошкина отсутствует уже несколько дней, – влезла Женька.

– Так и есть. С субботы ее нет, так что, выходит, пятый день сегодня.

Мы с Женькой переглянулись.

– И где она может быть?

– Ума не приложу. Беспокоиться начала, может, она в больницу легла? Мы как поссорились, так и не разговаривали, она упрямая, да и я не лучше. Уехать-то ей некуда, родни никакой, по крайней мере, я ни о ком не слышала. Так что она либо в больнице, либо… даже не знаю где.

– А вы точно видели ее последний раз в субботу?

– Точно. Я из магазина шла, она мне навстречу попалась, кивнули друг другу и разошлись. Она с сумкой была, значит, в магазин направилась.

– И из магазина она не вернулась?

– Нет, – убежденно кивнула женщина. – Я весь день дома была, внука ждала, он приехал только в семь вечера, оттого я от дома никуда, гулять вышла и то от подъезда ни на шаг. Вечером Сережку проводила до остановки – и домой, давление у меня что-то поднялось. В воскре-

сенье жара была не приведи господи, и я тоже из дома ни шагу, вечером во дворе погуляла, когда чуть свежее стало. Машки не было. В понедельник я беспокоиться начала: если б она куда собиралась уехать, не мне, так Юльке сказала бы. Машкина очередь убираться, обычно мы договариваемся, если уезжаем куда, чтоб, значит, дежурство перенести, а она ни слова. Чудно. Вчера я подумала, может, мне к участковому сходить, а ну что с соседкой случилось?

– Кто-нибудь из родных у нее есть? – спросила Женька и тут же удрученно добавила: – Ах да… что, вообще никого?

– Муж, бывший. Неподалеку живет.

– Может, она у него?

– Что вы! Он женат лет десять. А жена… короче, черт в юбке.

– Значит, отношения они не поддерживают?

– Почему же, он звонит, когда его мегеры рядом нет. Чтоб заходил, не помню. Машка рассказывала, на день рождения и на Восьмое марта он ей всегда что-нибудь дарит, виноватым себя чувствует, вот и…

– В чем виноватым? – насторожилась Женька.

– Как в чем? К другой ушел.

– А-а…

Тут я некстати подумала, сколько мужчин к другим женщинам уходят, не чувствуя себя виноватыми; получается, либо муж Кошкиной мужик исключительно совестливый, либо у него на то причина посущественнее.

– Машка родить не могла, хворала, – видя сомнение на моем лице, пояснила женщина. – А жили они хорошо, можно сказать, душа в душу. Ему очень ребенка хотелось, время шло, а надежды никакой. И тут эта вертихвостка. Ну и… ушел мужик. Машка хоть и страдала, но его вроде как оправдывала. Вертихвостка родила, однако особо счастливой его жизнь не назовешь, по крайней мере Машке он не раз жаловался, что, если бы не дочь, давно бы сбежал.

– А сколько Марии Степановне лет? – додумалась спросить я.

– Годков сорок шесть, наверное. Молодая еще и выглядит распрекрасно, несмотря на то, что инвалид.

– А где она работала, вы знаете?

– Конечно. В библиотеке. Заведующей. Библиотека тут рядом, за углом. Машка и сейчас туда почти каждый день ходит, все книжки читает. На пенсию книжки особо не купишь, вот она и повадилась в библиотеку, зимой по полдня в читальном зале сидит, ну и подруги там, конечно. С ними наговорится, чаю попьет, все легче.

– Подруг у нее много?

– Ну, в библиотеке есть, конечно. В доме – Ольга Карасева, я ее, признаться, терпеть не могу. Может, еще кто… к ней сюда редко приходят. С одними она и в библиотеке наболтается, у Карасевой квартира отдельная, там удобнее, а у нас Зойка как в запое, так хоть из дома беги, одно орево.

– Но если знакомых у Кошкиной достаточно, может, она у кого-то из подруг? – вздохнула я.

– Может, – согласилась соседка. – Только очень я в этом сомневаюсь. Ольга ее сама искала. Вчера вечером приходила, опять же, говорю, Машкина очередь убираться, она бы непременно предупредила, что уезжает. Да и если бы в больницу легла, сказала бы, не мне, так Юльке. А вам она зачем? – задала женщина вполне разумный вопрос.

Мы с Женькой печально переглянулись.

– Все дело в письме, – вздохнула я. – Она написала, что ее преследуют, и мы подумали…

– Преследуют? – соседка взглянула с сомнением. – Уж не знаю. С одной стороны, вроде чепуху болтает, а с другой… Куда ж ее нелегкая унесла? – буркнула она с досадой.

– Вы поподробнее расскажите об этой самой чепухе, – жалобно попросила Женька.

– Ну… началось все месяц назад, может, чуть больше. Заходит она ко мне вечером и говорит: «Ваза у меня разбилась, мамина». Я посочувствовала, жалко, конечно, вазу, а она сидит смурная и вдруг говорит: «Как ваза могла разбиться?» Что значит – как? Обычно. Небось рукой задела или толкнула ненароком. А она – нет, говорит, я пришла, а ваза у комода лежит, то есть не ваза, а осколки. А комод-то возле окна. Вот я и говорю: форточка у тебя открыта, подул ветер, ну и вышло дело. Она как будто со мной согласилась, но с той поры взяла за моду все примечать. И началось. То у нее шкатулка не там стоит, то лампу передвинули. Потом волосок на дверь прикрепила, как шпионы в кино. В общем, решила, что кто-то в ее комнате шарит.

– У нее есть какие-то ценности?

– Да откуда? Всю жизнь в библиотеке. Муж особо много тоже не зарабатывал. А потом, не говорила она ни разу, что, дескать, что-то пропало. Да и чему пропасть? Если только телевизор уволокут. Допустим, Зойка по пьяному делу деньги искала, хотя за ней подобного не водится. Вот я и решила, что Машка сбрендила. А она настаивает, уперлась как осел, господи, прости…

– Подождите, если я правильно поняла, в квартиру постороннему проникнуть не просто, раз кто-то из соседей постоянно здесь находится? – уточнила я.

– Вовсе нет. Я с правнуком сижу. Каждое утро ухожу на четыре часа, у внука жена работу оставить не может, а ребеночек маленький, в ясли его пока не берут, да и отдавать жалко. Юлька в техникуме, Зойка если не в запое, то вообще весь день на работе, ее почему и держат-то, она ведь безотказная и работящая, если б не эта ее дурь… о чем это я? Ах да… в общем, с утра и часов до трех Машка здесь одна хозяйничала, оттого меня обида и взяла на ее слова. Кто и когда к ней в комнату полезет, раз только она в квартире с утра до вечера? А теперь уж и не знаю. Вдруг и вправду чего, куда-то она ведь делась? – Женщина задумалась, глядя в окно, кот потянулся, а Женька вздохнула.

– Значит, у вас нет догадки, куда соседка могла уехать? – вяло молвила она. Петровна кивнула, и мы направились к двери, если честно, то я с неохотой. Странное дело, теперь я была уверена, что найти Кошкину необходимо, хотя бы для того, чтобы убедиться: она жива и здорова, а письмо не более чем ее разыгравшееся воображение.

– Предчувствие у меня, – тихо сказала Петровна. – Третий день сердце болит… еще как на грех разругались.

Женьке, с одной стороны, болтовня уже наскучила, но с другой – в ней крепло чувство, что сделать что-то необходимо, раз уж нелегкая принесла нас сюда, и, вздохнув, она поинтересовалась:

– А подруга ее, Ольга, в какой квартире живет?

– Да она сама Машку искала… В двадцать первой, это в соседнем подъезде. К ней пойдете? Она сейчас должна быть дома, на рынке торгует, к пяти уже возвращается.

Торопливо простившись, мы с Женькой покинули квартиру. Юлька, которая двинулась следом, чтобы запереть входную дверь, неожиданно вышла вместе с нами на лестничную клетку и зашептала:

– Не знаю, что вам бабка наболтала, только ко мне никто не приходил. Я вообще парней сюда не вожу, дура я, что ли, хоромы наши показывать? Да мамашу-пьяницу. Все врут, – закончила она и неожиданно захлопнула дверь, как раз в тот момент, когда я собралась спросить, что она имеет в виду.

– Загадочно, – изрекла Женька, с тоской глядя на дверь, и повернулась ко мне: – Что ты об этом думаешь?

– Думаю, что мы с тобой, Евгения Петровна, ерундой занимаемся, – фыркнула я. – Говорила тебе, письмо это – глупость. Так и вышло.

– Ага. Глупость, а человек пропал.

– Ничего подобного. Она могла уехать, мало ли какие обстоятельства…

– Короче, идем к этой Ольге или нет?

Я почесала нос, потопталась немного, размышляя, и кивнула:

– Идем, раз уж мы здесь.

– Правильно. Надо все доводить до конца. Если подруга знает, где Кошкина, уснем спокойно, а если нет…

– Тогда что?

– По обстоятельствам. Идем, душа моя. И не делай такую кислую физиономию, в конце концов тебе, как инженеру человеческих душ, очень полезно пообщаться со своим народом.

– Заткнулась бы ты, – посоветовала я, спускаясь по лестнице.

Рядом с дверью квартиры под номером двадцать один был только один звонок, без таблички. Женька вдавила кнопку до упора. Через некоторое время дверь открылась, и мы увидели женщину в пестрой футболке и трико. Она взглянула на нас с удивлением и спросила:

– Вы к кому?

– Вы Ольга? – кашлянув, спросила Женька, как видно, с опозданием осознав, что бродить по квартирам с неясной целью – занятие далеко не самое разумное.

– Ну, Ольга. А вы кто?

– Мы из газеты. То есть я из газеты, а вот это Анна Асадова, вы детективы читаете?

– Конечно, – кивнула женщина, взглянула на меня и широко улыбнулась. – Ой, это правда вы?

– Правда, – покаялась я.

– Проходите. Девчонки, – заголосила она, обращаясь неизвестно к кому. – Вы сейчас обалдеете. Проходите, проходите, – суетливо предложила она, пропуская нас в квартиру и закрывая дверь. – Вот сюда, пожалуйста. Мы тут на кухне…

Ободряемые улыбками и бесконечными «пожалуйста», мы прошли на кухню, где за накрытым столом обнаружили еще двух женщин. Остатки салата, три колечка колбаски, груда куриных костей и пустая бутылка водки намекали, что праздник в завершающей стадии. Послав Женьке испепеляющий взгляд, я промямлила:

– Мы, собственно, на минуточку…

– Это Анна Асадова, – выдохнула хозяйка, глядя на очумевших подруг с гордостью. Те переглянулись в недоумении, а Ольга объяснила: – Она детективы пишет. – И обратилась ко мне: – У меня ваших книг целая полка. Хотите покажу?

Тетки дружно выдохнули и закивали, приглядываясь ко мне.

– Вот видишь, – зашептала Женька мне на ухо. – Народ тебя знает.

– Садитесь, пожалуйста, – одна из женщин вскочила из-за стола, уступая мне стул, Ольга метнулась к шкафу за чашками.

– Сейчас будем чай пить.

– Не беспокойтесь, – пискнула я и незаметно продемонстрировала Женьке кулак. Та сделала вид, что ничего не замечает, и устроилась за столом. Ольга принесла из комнаты два стула, и все наконец расселись. Одна из женщин заварила чай, все трое смотрели на меня так, точно ожидали подарка. Я мысленно чертыхнулась.

– Вы не подумайте, – вдруг затараторила Ольга. – У нас… у меня в воскресенье день рождения был, вот девчонки с работы и зашли отметить.

– Поздравляем, – сказала я с большим желанием провалиться сквозь землю. – Извините, что мы так не вовремя… Мы, собственно, хотели поговорить о вашей подруге Кошкиной.

– А что случилось? – испуганно спросила Ольга, замерев с заварочным чайником в руке; он опасно наклонился, и я поспешно убрала руки, боясь, что меня, чего доброго, кипятком ошпарит.

– Она Анне письмо прислала, что ее якобы преследуют. Вот мы и решили… а соседка говорит, что Кошкина куда-то исчезла, – взяв из рук Ольги чайник, пояснила Женька.

– Это какая Кошкина? – подала голос одна из женщин. – Та, у которой барабашка завелся? Соседка твоя?

– И вовсе не барабашка, – обиделась Ольга. – Что ты выдумываешь?

– Ты же сама говорила, кто-то вещи у нее переставляет.

– Говорила, только не про барабашку. Вот что, – вдруг посуровела она. – Пейте чай и давайте по домам. Видите, у меня тут разговор серьезный.

Женщины насупились, в молчании выпили чай и потянулись к выходу. Ольга выпроводила их за дверь и вернулась к нам.

– Подруги не обидятся? – спросила Женька.

– Переживут, – отмахнулась Ольга. – Да и не подруги они мне, работаем вместе. На рынке. Значит, она прислала вам письмо?

– Да. И мы решили… ей помочь, одним словом, – нашлась Женька. – Но ее дома не застали. И соседи не знают, где она может быть.

– Я поначалу тоже думала, что у Машки с головой не в порядке, – кивнула Ольга. – Выдумывает всякую хрень… прошу прощения. Уж я и так ее уговаривала, и эдак, а она знай твердит: меня, говорит, хотят со свету сжить.

– А кто хочет-то? – нахмурилась Женька.

– Так в том-то и дело, что неясно. То есть выходило, она сама не знает. Долдонит одно: не оставят меня в покое. Я с ней вконец измучилась, даже прятаться от нее начала, так меня ее россказни достали. Да и видно было, что всю правду она не говорит, Машка вообще-то скрытная. А чего вам она в письме написала?

Я подумала и показала ей письмо.

– Ясно, – вздохнула она, прочитав послание. – Опять двадцать пять. Вот ведь…

– Вы ее когда в последний раз видели?

– В пятницу, вечером. Во дворе гуляли, разошлись часов в одиннадцать, погода хорошая была, грех дома сидеть. В субботу я после работы на дачу поехала, а в воскресенье у меня день рождения. Я очень удивилась, что Маша не пришла поздравить и не позвонила даже. Неужто, думаю, забыла? До обеда терпела, потом сама решила позвонить, пригласить ее отметить. Я особо никого не собирала, пришли самые близкие. Звоню, трубку никто не берет.

– У нее есть мобильный телефон?

– Мобильного нет. На что он ей? Домашний. Ей телефон поставили, когда она инвалидность получила. Сначала он в прихожей висел, а потом пошли разборки с соседями, мол, она платить за него должна, раз он ее, а болтают-то все, особенно вертихвостка эта, Юлька. Соседи у Машки вообще не приведи господи, одна пьяница, вторая зануда, третья… Ладно, дело молодое. Короче, она с ними намучилась и телефон в комнате у себя поставила: уж если никто платить не желает, так нечего и звонить. Совершенно справедливо, я считаю. – Мы согласно кивнули, успев потерять нить разговора. – Так вот, звоню я в воскресенье, а трубку никто не берет. Последний раз звонила поздно вечером, часов в десять, у меня уж и гости разошлись. Нет Машки. Чудеса, думаю. Куда делась? В понедельник пошла к ней, бабка мне: с субботы ее нет. Тут я, конечно, забеспокоилась: со здоровьем у нее проблемы, а ну как плохо стало? Весь вечер я опять звонила, и ей, и подругам ее из библиотеки, где она раньше работала, всем, кого знала. А во вторник мне уже лихо стало, я давай больницы обзванивать, даже к врачу нашему участковому сбегала – может, Маше путевку в санаторий дали? Та ничего не знает. В общем, с перепугу я давай в морги звонить. Слава богу, там ее нет. И теперь не знаю, что и думать. А сегодня ночью проснулась, вроде меня кто-то в бок толкнул, лежу, и мысль мне на ум пришла: а ну как она права была? И вовсе это не глупости?

– Что? – в два голоса спросили мы.

– Все эти ее разговоры. А ну как и вправду?

– Было бы здорово, если бы вы рассказали нам все по порядку, – влезла Женька. Вид у нее был как у гончей, взявшей след. Мне, признаться, разговоры уже надоели, я с тоской подумала, что время могла бы провести с большей пользой, но вместе с тем тревога, неизвестно откуда взявшаяся, все нарастала.

– По порядку? С самого начала, что ли?

– Давайте сначала, – обреченно кивнула я.

– Значит, так, – хмуря лоб, завела Ольга. Женька закатила глаза, а я пожала плечами – мол, за что боролись, на то и напоролись. – Познакомились мы давно, лет десять назад, когда Маша сюда переехала.

– Может, момент знакомства мы пропустим, – робко вклинилась Женька.

– Хорошо, – охотно согласилась Ольга. – Сын у меня в школе учился – он сейчас в армии, – так вот, русский язык сыну никак не давался, писал хуже татарина, в одном слове пять ошибок делал, все переврет, просто наказание. Ну соседка мне и подсказала к Маше обратиться. Она тогда еще работала, но у кого деньги лишние? Я к ней, упросила с ним позаниматься, мне-то как удобно, она живет в соседнем подъезде. Уговорила ее, в общем. А она тогда только-только с мужем развелась и сюда переехала, у них раньше «хрущевка» была, двушка, разменяли на комнаты с подселением, хотя ее бывший мог бы ей квартиру оставить, у его мегеры своя была, причем трехкомнатная. Но жена его такая пакость, копейки не упустит, вот он и претендовал. И что? Его комнату они теперь сдают за копейки, а Машка всю жизнь мучается, со своей пенсией она разве из коммуналки выберется? Конечно, она тогда здорово переживала, развод, соседи эти… может, потому к Сашке моему и привязалась, детей-то своих у нее нет, а он у меня добрый, характер – чистое золото. Я тогда на заводе работала, со смены приду, а он у нее в библиотеке. И уроки выучит, и покормит она его. Деньги она с меня почти сразу брать перестала. Конечно, я как могла отблагодарить ее пыталась, человек она хороший, вот мы и сдружились. В выходной к нам на дачу, в отпуск – втроем, считай, Сашку вместе поднимали. Потом он в армию ушел, а меня черт попутал, замуж вышла. Конечно, выгнала свое счастье через полгода, а с Машей так и дружили. Люди удивляются – чего, мол, у вас общего? А что надо? Чтоб человек был хороший. Она в больнице – я к ней каждый день, и вообще… помогаем друг другу. Она, конечно, странная. Бывает, такое скажет, хоть стой, хоть падай. Я за десять лет привыкла, и когда она эти свои идеи начала высказывать, ну, про то, что следят за ней и все прочее, я поначалу решила – так, ерундится.

– Когда она впервые об этом заговорила?

– В конце весны. В апреле у нее отец умер. С этого все и началось.

Женька шумно вздохнула и посмотрела на меня так, точно желала сказать: «вот видишь, а ты сомневалась», я ядовито улыбнулась в ответ, потому что, если честно, по-прежнему понять не могла, с какой такой стати мы битый час пристаем к людям с вопросами? Еще большей загадкой оставался тот факт, что я продолжаю сидеть, вместо того чтобы двигать домой и заняться чем-то полезным. На худой конец телевизор посмотреть, все лучше, чем слушать рассказы об этой Кошкиной.

– Чем занимался ее отец? – только что не облизываясь, спросила Женька. Вопрос поверг даму в замешательство.

– Так ничем. Пенсионер он.

Физиономия Женьки вытянулась, подружка дважды моргнула, а я еще раз ядовито улыбнулась. Женька недовольно на меня покосилась и с неизвестно откуда взявшимся энтузиазмом продолжила:

– Но он ведь не всегда был пенсионером?

– Не всегда, – согласно кивнула Ольга. – Он вообще-то уже старенький был. Тут вот какое дело. Он Машкиной матери был старше лет на десять, первая жена у него умерла, вроде от

рака, хотя точно не скажу, детей они не нажили, и он один остался, тут их кто-то с Машиной матерью и познакомил. Свел черт на кривой дорожке.

– Почему? – вытаращила Женька глаза. Ольга их тоже вытаращила, потом пожала плечами:

– Человек он был так себе. Если верить Машке, и вовсе не человек, а гад ползучий. Нехорошо так о родителе, но что есть, то есть. Я-то никогда его не видела и знаю обо всем лишь с ее слов. Так вот. Стали они жить с Машкиной матерью, и она родила ему двоих детей, сначала сына, а потом и дочку.

– Соседка сказала, у Кошкиной никакой родни нет, – вспомнила я.

– Так и есть. Сейчас все объясню. Значит, жили молодые скверно, хотя молодой был уже не молод и мог бы вести себя поприличней, в том смысле, что жизнь должна бы научить его уму-разуму. Хотя мужиков жизнь ничему не учит, вот хоть взять моего идиота, к примеру…

– Давайте все-таки о Кошкиной, – испуганно попросила Женька.

– Хорошо, – кивнула Ольга. – Короче, ревновал он жену к кому попало и бил смертным боем. Машу послушать, так форменный садист был. В общем, мама Машкина умерла, когда та еще в школе училась, брат к тому времени жил в другом городе. Она и подалась к брату от папаши подальше, то есть как раз в наш город и приехала. Закончила здесь техникум, вышла замуж… да, а брат с женой развелся и в скором времени погиб. Какая-то глупая история, Машка ничего толком не рассказывала, но утверждала, что погиб он из-за отца. Вообще, ее послушать, так все их беды были от непутевого родителя. За грехи отцов приходится расплачиваться детям, так она всегда говорила. Отца она терпеть не могла, считала, что он мать в могилу свел раньше времени. И вдруг он ей письмо прислал, дескать, лежит в больнице, умирать собрался. Оно и пора, возраст-то уже того… критический. Ну, Машка и поехала в Воронеж, где батя жил. Думаю, она все-таки на наследство рассчитывала, дом у них, по ее словам, был уж очень хороший. Допустим, теперь подобным домом никого не удивишь, но он, считай, в центре города, так Машка рассказывала, и по-любому денег стоит, а ей ее коммуналка как кость в горле, вот и мечтала она хотя бы однокомнатную купить. Но папаша и здесь подгадил, он в третий раз женился и дом жене отписал. Когда Машка приехала, отец уже помер, и от всего его наследства она ничегошеньки не получила, все, что взять позволили, – это фотографии матери да ее, детские, в чулане, говорит, валялись. Надо сказать, из Воронежа она явилась сама не своя, вроде как подменили ее. Она и так молчунья, а тут слова из нее не вытянешь. Конечно, понятно, разочарование, то да се, да и отец все-таки, но, если честно, мне это странным показалось. А потом она исчезла на три дня.

– Как исчезла? – нахмурилась Женька. Я, признаться, тоже насторожилась.

– А вот так, как в этот раз, никому ничего не сказала и уехала. Само собой, я волновалась и, когда она вернулась, стала выспрашивать, где ее носило. Она ответила, что к подруге ездила. Только ни о какой такой подруге я раньше не слышала и еще тогда подумала: врет Машка. А чего ей врать-то? И вот после этого начались все ее глюки. Сначала ваза разбилась. Уж она мне с этой вазой всю душу вымотала, мол, не могла она разбиться и все тут. Ну, я спорить не стала. Дальше – больше. Кто-то в ее вещах рылся, на скамейке напротив ее окон какой-то мужик сидит. Мужики тут сидят, потому что пивнуха рядом, но она и слышать ничего не хотела, одно твердила: извести меня хотят.

– И кто, по ее мнению, хотел извести? – вздохнула я.

– Ничего такого Маша не говорила, она скрытная, мечется по комнате, трясется вся. И тихо так вдруг скажет: «Извести меня хотят». Жуть. У меня мурашки по всей спине от этих слов. Но однажды… – Ольга посмотрела на меня, потом на Женьку, вздохнула и замолчала.

– Что однажды? – поторопила ее подружка.

– Не хочу брать грех на душу, но однажды мне показалось, что она племянника имеет в виду. Может, я, конечно, не так ее поняла. Но Машка тогда сказала: «Его рук дело, чувствую, сведет он меня в могилу и все захапает».

– Что «все»? – опять вздохнула я.

– Комнату, наверное, – пожала Ольга плечами. – А что? Она сейчас ого-го сколько стоит. Место хорошее, и комната двадцать метров, светлая, ну а соседи…

– О племяннике вам что-нибудь известно?

– Нет. Откуда? Знаю, что зовут его Павел, фамилия Петренко, живет в нашем городе, а больше ничего.

– Постойте, если он в нашем городе живет, они должны были встречаться хоть иногда?

– Ничего подобного. У нее он ни разу не был и не звонил, и вообще я о нем сроду не слышала. До тех пор, пока ее отец не помер.

– А племянник на похоронах был?

– Не знаю. Вряд ли. Его мать с отцом развелись давно, отец погиб, а у деда характер скверный, вряд ли мать с ним общалась, да и он… Считай, чужие люди. Я так думаю, если бы Машка с племянником виделась, то к Сашке моему так бы не привязалась. Там все-таки кровь родная.

– Да-а… – протянула Женька, сморщив лоб и таким образом демонстрируя работу мысли. Я покосилась на часы и решила, что с меня всех этих разговоров хватит.

– Скорее всего, мы напрасно беспокоимся, – заметила я, поднимаясь. – Кошкина уже исчезала на несколько дней, по вашим собственным словам, вот и в этот раз наверняка куда-то уехала.

– Так это проверить можно, – воодушевилась Ольга. Мы взглянули на нее с интересом, но без всякого понимания в очах. – Если она уехала куда-то на несколько дней, должна взять вещи. Верно?

– Ну… – кивнула Женька.

– Вот. Сумку-то уж точно должна взять. Она у нее в шкафу лежит. И паспорт взять должна. Куда нынче без паспорта? Паспорт у нее тоже в шкафу, на верхней полке под бельем. Можем проверить.

– Но как мы в комнату войдем? – спросила Женька. Лично я никуда входить не собиралась и с неудовольствием покосилась в ее сторону.

– Так у меня ключ есть. Запасной. Машка мне его дала, как замок сменила. Раньше она его на кухне в ящике стола держала, но когда у нее глюки начались, мне доверила. Идемте. – Ольга направилась к двери, и мы последовали за ней.

– Оля, – позвала я. Та обернулась, а я не без смущения спросила: – А вас она не подозревала? Ну… у вас ведь ключ, и вы могли…

– Зачем тогда мне ключ давать? – немного подумав, ответила Ольга, пожав плечами. – Ключ она мне с какой целью оставила? Вдруг ей плохо будет, а в дверь врачи со «Скорой» не войдут, придется замки ломать.

Мы покинули квартиру и через несколько минут уже были в соседнем подъезде. Ключ от входной двери у Ольги тоже был, но она предпочла позвонить. Дверь открыла Юлька, взглянула на нас, буркнула «дурдом» и удалилась в свою комнату. А мы прошли к двойной двери, выкрашенной белой краской, которую Ольга открыла своим ключом. Рядом с дверью в коридоре находились тумбочка для обуви и вешалка. На тумбочке я увидела две пары тапочек, изрядно поношенных. На вешалке женский плащ, из тех, что носили лет двадцать назад. Ольга вошла в комнату и сразу направилась к шкафу, Женька вслед за ней, а я не спеша огляделась.

Комната была просторная, с эркером. На полу ковер сине-красных тонов, новая мягкая мебель из самой дешевой, и стенка наподобие той, что когда-то стояла у моей бабушки. В углу кровать под плюшевым покрывалом, рядом тумбочка и несколько книг на ней: детективы и

томик стихов Гумилева. Среди детективов был один мой. Я повертела его в руках, и тут в голову пришла вполне здравая мысль: мы вторглись в чужое жилье без ведома хозяйки. Что, если она сейчас вернется? Очень захотелось побыстрее смыться отсюда. Жаль, что эта мысль не пришла в голову ни Женьке, ни Ольге. Пока я перебирала книги, они успели заглянуть в шкаф.

– Паспорт здесь, – сообщила Ольга и в доказательство продемонстрировала его. Потом заглянула в шифоньер и извлекла на свет божий небольшую дорожную сумку. – Никуда она не уехала, – заявила сурово и на нас уставилась. – Что делать-то будем?

– Билет на автобус можно купить без паспорта, – вяло молвила я. – А сумка… может, она новую купила?

– Не болтай чепухи, – фыркнула Женька. – Человека с субботы никто не видел, а ты…

– А вы бывшему мужу звонили? – озарило меня.

– Нет, – покачала головой Ольга. – У него такая женушка, нарвешься на нее, чего доброго, и все…

– Но его номер телефона вы знаете?

– Так у Машки должен быть записан.

Ольга решительно направилась к тумбочке, на которой стоял телефон, из выдвижного ящика достала блокнот и протянула мне. Телефонных номеров там было немного. Номер телефона Кошкина Владислава Николаевича записан одним из первых. Я перевернула страницу блокнота и на всякий случай просмотрела другие записи.

– Взгляни, – сказала Женьке. Та сунула любопытный нос и расплылась в улыбке, а я попыталась понять, что это такое. Запись в блокноте выглядела примерно так: «19.05 – 17.10, 21.05 – 19.00, 27.05 – 15.25». – Что это может быть? – спросила я.

– Даты встреч? – предположила Женька. Ольга тоже заглянула в блокнот.

– Это ей кто-то по телефону звонил, – сообщила она.

– Что значит «кто-то»? – нахмурилась подружка.

– То и значит. Звонит кто-то и молчит. Я Машку пыталась успокоить, мол, номером ошиблись, то да се… А она гнет свое: «Извести меня хотят».

– Выходит, ей кто-то грозил по телефону? – воодушевилась Женька, которую разбирало все больше.

– Грозил или нет, не скажу, а один раз при мне точно звонили. Я трубку взяла, а там молчат. Машка на кухне была, вернулась, спрашивает: кто звонил? Ну, я и говорю, не знаю, мол, тут ее точно подменили, по комнате забегала, глаза дурные и ногти грызет. А еще случай был. Мы здесь чай пили, и вдруг звонок, она трубку сняла и долго с кем-то разговаривала, про какие-то бумаги, чертежи или еще что-то. Не больно я прислушивалась. Хотя удивилась, конечно, спросила, кто это ей звонит, она отмалчивается, а я вижу, что нервничает. И опять про отца сказала, про грехи и прочее. Я, признаться, ничего толком не поняла, а чем больше расспрашивала, тем она упорнее молчала, ну, я разозлилась и домой ушла.

– Но ведь что-то она вам сказала?

– Ага. Только я уже не помню. Но ее этот звонок прямо-таки из себя вывел. А потом она начала говорить, что ее со свету сживают. Я детективы читаю, ну и стала размышлять, кто мог ее со свету сживать. Разве что племянник на комнату глаз положил. А так полная ерунда. Я к ней с вопросами, она молчит. Зато появилась новая блажь: кто-то у нее в вещах копался да еще следит за ней. Когда, говорю, копался, если ты целыми днями дома? Она действительно последнее время из квартиры выходила редко, все чего-то боялась. А до этого и в библиотеку ходила, и в парк на прогулку. У нее режим был, все по часам. Вот она и утверждала, что кто-то очень хорошо знает, когда она из дома уходит и когда соседей нет.

– А вы не поинтересовались, что, по ее мнению, у нее могли искать? – спросила я.

– Конечно. Но в том-то и дело: как только до этого вопроса доходило, она сразу замолкала, и слова лишнего от нее не добьешься. Ну, я и решила, что она дурака валяет. Даже разо-

злилась на нее. А в конце мая я пошла к соседке, она деньги собирает за уборку в подъездах, а я задолжала и хотела долг отдать, а из Машкиной квартиры выходит парень, дверь захлопнул и вниз. Кто такой, думаю? Мне показалось, что никто его не провожал, понимаете? Я деньги отдала и к Машке. Звоню, а дверь никто не открывает, она в это время как раз в парке гуляла. Я после ее россказней, признаться, забеспокоилась – а ну как правда кто незваный явился? Давай соседям звонить. В квартире вроде никого. Я вечера еле дождалась – и к ним. При Машке соседей расспрашивать не стала, чтоб ее не пугать, но и к бабке и к Зойке заглянула, обе сказали, что дома их не было, и Юлька училась в техникуме своем.

– Выходит, в квартиру действительно кто-то проник? – заволновалась Женька.

– Выходит, – кивнула Ольга, вздохнула и добавила: – Или не выходит. Если честно, я думаю, это Юлькин ухажер. Ей положено в техникуме быть, а она с ним, пока мать на работе.

– Как парень выглядел, помните? – спросила я.

– Конечно. Молодой, высокий, в джинсах и свитере.

– Блондин или брюнет?

– Вроде брюнет. Хотя… в темных очках… парень как парень.

– И вы о нем Марии не рассказали?

– Нет. Чего ее понапрасну пугать? Я как решила: если она опять начнет говорить, что кто-то в ее комнате рылся, тогда расскажу, но она в тот вечер ничего такого не говорила, вот я и…

– Парня я в понедельник видела, – вдруг раздалось из-за двери. Мы с Женькой ошалело замерли, а Ольга головой покачала и распахнула дверь. Очам нашим предстала Петровна с котом под мышкой, кот поглядывал на нас с любопытством.

– Подслушиваешь? – спросила Ольга укоризненно. Кот презрительно отвернулся, а Петровна хмыкнула:

– Больно надо. Ты так орешь, в кухне слышно. Что, вещи все на месте?

– На месте.

– А Машки нет. Чудеса.

– Вы нам про парня расскажите, – робко начала Женька.

– Про парня? Пожалуйста. В понедельник я поехала к внуку, до магазина дошла и вспомнила, что очки забыла, а без очков беда. Ну, я назад. И в подъезде столкнулась с парнем. В джинсах, в очках, белесый и вроде как нервничает. Я еще очень удивилась. Откуда взялся?

– Он из вашей квартиры выходил? – уточнила я.

– Не видела, врать не буду. Слышала, как дверь хлопнула на нашей площадке, когда я по лестнице поднималась.

– Почему же тогда удивились?

– А потому что понедельник и соседи все на работе. Не к кому ему приходить. Ну, и получалось, что к нам. Зойка вчера запила, а в понедельник работала, уходит она рано, и Юлька в техникум к девяти уходит, я слышала, дверь хлопнула, но, может, она никуда не выходила, а гостя пустила. Это я так тогда подумала. Ну и постучала к ним.

– И что?

– В комнате тихо. Только ведь затаиться могла. А мне ее сторожить некогда, я и ушла. У Юльки надо про парня спросить.

– Заколебали вы со своим парнем, – заорали по соседству, потом что-то грохнуло, и в поле нашего зрения появилась разгневанная Юлька. – Никого я не вожу, и отстаньте, – сказала она и с достоинством удалилась в свою комнату.

– Вертихвостка, – буркнула Петровна, но тихо и трусцой, с котом под мышкой, отправилась к себе.

– Что теперь делать? – после минутного молчания спросила Ольга.

– Пожалуй, мы пойдем, – косясь на Женьку, сказала я, опять подумав, что, если хозяйка вернется и соседи расскажут ей о нашем визите, нам, пожалуй, несдобровать. Та же мысль, как

видно, явилась и Женьке, потому что она поспешила покинуть комнату. Ольга заперла ее на ключ, и мы направились к двери. И тут Женька заявила:

– Надо идти в милицию.

– Точно, – согласно кивнула Ольга. – Сейчас?

– Подождите, – заволновалась я. – Что мы им скажем?

– Как что? – возмутилась Женька. – Человека пятые сутки нет дома.

– Ну и что? Она могла куда-то уехать. Она ведь уже уезжала, никого не предупредив.

– А паспорт? А сумка? – не унималась Женька. Ольга переводила взгляд с нее на меня и утвердительно кивала.

– Давайте к участковому сходим, – предложила она. – Может, он что путное скажет.

Идти к участковому мне совершенно не хотелось, если честно, у меня от всех этих разговоров голова уже пухнуть начала, но Женька, пылая энтузиазмом, за идею ухватилась.

– Участковый – это хорошо, но время уже позднее, вдруг мы его на месте не застанем?

– Так он в соседнем доме живет, – осчастливила нас Ольга. – Айда к нему.

– Неудобно как-то, – попыталась я вразумить разошедшихся дам.

– Нормально. Он мужик хороший. И жена его привыкла, что все к нему таскаются. Идемте.

И мы отправились к участковому. По дороге я злобно смотрела на Женьку, но она мои взгляды игнорировала. Я по опыту знала, что пытаться вразумить подругу – дело зряшное, и надеялась, что эта нелепая беготня по чужим квартирам ее когда-нибудь утомит и мы сможем вернуться домой.

Возле соседнего дома величаво прогуливались старушки, нас проводили заинтересованными взглядами. Ольга со всеми раскланялась и громко спросила:

– Иваныч дома?

– Дома, дома. – Старушки замерли на месте, ожидая, когда мы войдем в подъезд.

– Теперь им на весь вечер разговоров будет, – хихикнула Ольга и позвонила в ближайшую дверь.

Дверь распахнулась, и мы увидели здоровенного дядьку в спортивном костюме. Он хмуро посмотрел на нас, перевел взгляд на Ольгу и вздохнул:

– Чего опять?

– Иваныч, Марья Кошкина пропала.

– Что значит «пропала»?

– А то и значит. Нет ее нигде. Ни дома, ни в больнице, ни в морге. Вот девушки из газеты ее ищут.

– Она что, в газету нажаловалась? – вторично вздохнул он, прикрыл дверь за собой и продолжил: – Вы извините, что я вас в квартиру не приглашаю, внук воюет, ему спать пора, а он ни в какую.

– Ничего, ничего, – замотала головой Женька. – На кого Кошкина жаловалась?

– Вам лучше знать, – пожал он плечами. – Я понимаю, у вас работа такая: есть письмо, надо реагировать, только это все ерунда.

– Что ерунда? – растерялась подруга.

– Все. Выдумки это.

– Значит, она к вам обращалась?

– Если бы только ко мне. И в милицию заявление писала, что, мол, следят за ней. И в прокуратуру ходила. Одним словом, беда.

– Кошкина утверждала, что в ее отсутствие кто-то бывает в ее комнате? – уточнила я.

– Ага. Вещи переставляет.

– А с какой целью?

– Хотят со свету сжить. А кому это надо, объяснить не могла. Потому что выдумала все.

– Почему вы так уверены? – нахмурилась Женька.

– Ну а как иначе? Сами посудите, кому надо в ее вещах рыться? Она сама говорит, что ничего не пропало, так что это за вор такой, ходит к ней регулярно и ничего не берет?

– А если кто-то в самом деле…

– Свести ее с ума хочет? Вы еще про родовое проклятье вспомните.

– А что она о нем говорила?

– О ком? – не понял участковый.

– О родовом проклятии?

– Слушайте, вы же взрослые девушки, с высшим образованием, сами подумайте…

– Так что она говорила?

– Что ее отец – великий грешник, – крякнул Иваныч. – А она за его грехи расплачивается. Вот с этим она в милицию и ходила. Немудрено, что там решили: баба спятила.

– И, разумеется, ничего предпринимать не стали, – съязвила Женька

– А что они должны были предпринять? У них без этих глупостей дел по горло. Квартирных краж по району столько, что не успевают на вызовы выезжать, случается кое-что и похуже. А здесь… Я, чтоб ее успокоить, два дня на детской площадке просидел. И что?

– Что?

– Ничего. Кроме жильцов, в подъезд никто не входил. А у нее вещи кто-то двигает.

– Подождите. Вы следили за подъездом, ничего подозрительного не заметили, а Кошкина утверждала, что в эти дни кто-то бывал в ее комнате?

Иваныч поморщился:

– Нет. Не утверждала. То есть в эти дни ничего она не приметила.

– Так почему вы тогда…

– Я что, неделю там сидеть должен? Все просто. Она знала, что я за квартирой наблюдаю, оттого никаких видений у нее не было, а потом опять начались, потому что все это ее фантазии. Понимаете?

– А если все-таки не фантазии? – упрямилась Женька.

– Ну, тогда этот… барабашка.

– Допустим, одинокая женщина чем-то напугана, – с преувеличенным спокойствием начала Женька. – И ей действительно что-то там кажется. Но ее уже пятый день нет дома, и никто не знает, где она. Паспорт на месте, мы проверили. Куда, по-вашему, она могла деться?

– А по-вашему? – в очередной раз вздохнул участковый.

– По-нашему – искать человека надо.

– Больницы и морги я обзвонила, – затараторила Ольга. – С участковым врачом говорила, путевку ей не давали, да без паспорта она бы и не поехала. Исчез человек, а вам и горя мало.

Иваныч поскреб затылок и задумался.

– Пятый день, говорите? Может, гостит у кого, здесь, в городе? Или на даче.

– Соседи видели ее последний раз в субботу. Она вроде бы пошла в магазин. И все. С тех пор о ней никаких известий.

– Мужу звонили, бывшему?

– Нет, – покаялись мы.

– Может, он чего знает? Хотя… да, нескладно как-то получается. Куда ж она подевалась? Поднимем шум, а она явится. И что?

– А если не явится? – возмутилась Женька.

– Тоже верно, – согласился участковый. – Мужу позвонить придется. Чтобы ее искать начали, нужно заявление от родственников. А у нее вроде никакой родни.

– А мне заявление написать можно? – спросила Ольга.

– Лучше бы муж…

Мы еще попереминались с ноги на ногу, погадали, где может быть Кошкина, и разошлись. Пока мы провожали Ольгу до подъезда, она с воодушевлением строила планы на завтра. Я предпочитала отмалчиваться, с томлением ожидая, когда же мы наконец простимся. Женька выглядела чрезвычайно деятельной, и это здорово меня злило. Я-то знала: если подружка что-то вбила себе в голову, никакие силы небесные не заставят ее отступить. Но попробовать всегда стоит, и я тихонько затянула:

– Не слишком ли много времени мы потратили на все это?

Через мгновение стало ясно: Женька меня даже не слышала.

– Надо Кошкину позвонить. Что это мы, в самом деле?.. Где его номер телефона?

Выразительно вздохнув, я достала листок бумаги с его номером и протянула Женьке. Она быстро набрала номер, нетерпеливо хмурясь и ускоряя шаги.

– Здравствуйте, – заговорила она. Что ей ответили, я не слышала, пришлось довольствоваться частью диалога. – Вас беспокоят из газеты «Губернские ведомости». Мы пытаемся связаться с вашей бывшей супругой Кошкиной Марией Степановной, вы не подскажете, где она может быть?.. А она не говорила вам, что куда-то собирается уезжать? Простите, а когда вы виделись в последний раз? И она не звонила? А вы? Спасибо. Извините. – Женька недовольно поморщилась, после чего убрала телефон и взглянула на меня, точно желая сказать: «Не везет, что ж тут поделаешь». – Он ничего не знает, – пояснила Женька, хотя это я и сама уже поняла. – Не виделись они больше месяца. Он звонил ей на прошлой неделе, но дома не застал. Дядька какой-то напуганный, – сказала она недовольно.

– Так у него жена мегера, если верить людям, а тут звонок, объясняйся теперь с супругой. Ладно, поехали. Я есть хочу.

Мы отправились домой, но уже через несколько минут тормозили возле кафе «Магнолия». Готовить ужин ни мне, ни Женьке не хотелось, а вот аппетит разыгрался.

– Ну, что скажешь? – едва дождавшись, когда официант, приняв заказ, отойдет от стола, спросила Женька.

– Скажу, что надеялась поужинать спокойно, – буркнула я.

– Но поговорить с подругой ты можешь?

– Могу, и даже с удовольствием. Только не о Кошкиной.

– Неужели тебе не интересно, что с ней случилось?

– Надеюсь, она жива-здорова, просто уехала куда-то. Участковый прав: чтобы гостить у подруги здесь, в городе, или на даче, паспорт ни к чему. И вещей много не надо, шорты и майка с зубной щеткой уместятся в пакете.

– Живет человек в большом городе, вокруг полно людей, и что?

– Что?

– Человека пятый день нет дома, и никого это не волнует.

– Почему же никого? Подруга беспокоится…

– Я близко к сердцу принимаю чужое горе, – наставительно изрекла Женька. – И тебе бы не помешало. Где твоя гражданская позиция? Человек к тебе обратился со своей бедой, а ты… В конце концов тебе, как писателю, и карты в руки, вот готовая детективная история.

– История, – презрительно хмыкнула я. – Письмо и внезапное исчезновение. Очень оригинально. И что прикажешь делать с этой историей? Хорошего детектива из нее не получится.

– Черствость и эгоизм, – заявила Женька. – Не ожидала от тебя такого. Не поверишь, как эта Кошкина меня взволновала, – продолжала она, покачав головой. – Вот так и я, загнусь в одиночестве, и никто…

Я тут же устыдилась и схватила Женьку за руку.

– Женечка, ну при чем здесь ты?

– При том, – сурово отрезала она. – Тебе хорошо. У тебя муж есть. А я…

Я почувствовала себя едва ли не предателем за то, что умудрилась выйти замуж раньше подруги, хотя и считала, что Женька лукавит. Если честно, я вообще плохо представляла ее обремененной семьей. Женьку тяготили какие-либо обязательства, она находилась в постоянном движении, и простые семейные радости ей были так же нужны, по моему мнению, как прошлогодний снег. Хотя, может, я не права.

– Давай выдадим тебя замуж, – брякнула я. Женька так на меня посмотрела, что я едва не прикусила язык. – Вот за Петечку, к примеру.

Петечка был Ромкиным замом, молодой мужчина, неженатый и, по-моему, симпатичный. Мой муж предпринимал героические усилия, чтобы их с Женькой знакомство переросло в нечто большее, надеясь, что, если моя подруга выйдет замуж, его собственная жизнь станет намного спокойнее. Подружка о его замыслах знала, но выходить замуж не спешила, тем более за Петечку.

– Петечка, – скривилась Женька. – Вот уж счастье. Придурок, как все менты. Твоего Ромку будем считать исключением.

– Спасибо, – разозлилась я. – И Петька все-таки не совсем мент.

– Хорошо, не совсем. Значит, и придурок не совсем. Но замуж я за него все равно не хочу. И вообще, дело не в этом, а в том, что человек пропал и…

– Хорошо, – кивнула я. – Будем искать твою Кошкину. Если выяснится, что переполох мы подняли напрасно, пусть не возмущается, сама виновата, раз это письмо написала. – Вспомнив о письме, я еще раз пожалела, что просматривала почту при Женьке, жила бы себе спокойно…

– Кстати, о Петечке, – встрепенулась Женька. – Надо бы к нему заглянуть. Ему легче легкого установить, кто звонил Кошкиной.

Я закатила глаза:

– Если Ромка узнает, что мы опять ввязались в расследование, бросит свою учебу и прилетит сюда.

– Вот этого не надо, – потрясла головой подруга. – У меня изжога от его нравоучений. И как ты только терпишь этого типа? Ладно, не обижайся, это я завидую. Ромке вовсе не обязательно обо всем знать, попрошу Петьку держать язык за зубами, он неравнодушен к моим чарам, так что будет помалкивать.

В этот момент нам принесли заказ, и я порадовалась: поесть Женька любит, значит, на некоторое время оставит меня в покое, но не тут-то было.

– Так что ты об этом думаешь? – с набитым ртом вновь спросила она.

– Тебе лучше помолчать, чтоб не подавиться.

– Молчу и внимательно слушаю, – хихикнула Женька. – Ну, давай. Ты же мастер запутанной интриги.

«От черта молитвой, а от подружки ничем» – эту поговорку я твердо усвоила с детства и сопротивление прекратила.

– Что мы имеем, – вяло начала я. – Письмо, которое, вполне возможно, написал человек не вполне здоровый.

– Допустим, все-таки письмо она писала в трезвом уме и твердой памяти. Тогда что?

Я пожала плечами.

– Начнем с родового проклятья. Глупость, конечно, но находятся чудаки, которые верят в подобную чушь. Подруга утверждает, что глюки у Кошкиной появились после смерти отца. Чем занимался папаша, мы не знаем. Но человек он был, по мнению дочери, малопочтенный.

– Ага. А вот чем он занимался, не худо бы узнать. Дальше. Дочь едет его хоронить, рассчитывая на наследство…

– Предположительно рассчитывая.

– Поправку принимаю. Но ничего не получает. Вроде бы. Однако ей разрешают взять старые фотографии, хранящиеся в чулане. Возможно, вместе с фотографиями ей в руки попадает некая вещь.

– Ага. Карта сокровищ, к примеру, которая хранилась у непутевого пенсионера.

– Кем был непутевый пенсионер, до того как оным стал, нам неведомо, так что очень может быть, что и карта, – хихикнула Женька.

– Хорошо. Назовем это «ценной вещью», хотя сам факт, что Кошкина что-то там нашла, вызывает у меня сомнение. Тебе не кажется странным, что «ценная вещь» хранилась себе спокойно в чулане и интерес к ней возник только после смерти владельца?

– Не кажется. А если владелец не желал, чтобы кто-то знал, что вещь эта у него?

– Допустим, – вынуждена была согласиться я.

– Я тебе больше скажу, – улыбнулась Женька. – Возможно, Кошкина за ней и поехала. А что? Говоря о наследстве, она вовсе не дом имела в виду, а нечто, о чем мы пока можем лишь догадываться.

Я оценила мысль подруги и утвердительно кивнула.

– Сразу после похорон Кошкина куда-то исчезает на три дня. А после возвращения ее якобы начинают преследовать: следят и что-то ищут в ее комнате. Предположим, о наследстве знал или, скорее, догадывался кто-то еще. За Кошкиной стали наблюдать, и ее вояж неизвестно куда убедил этого человека, что «наследство» у нее. И он решил им завладеть. Эта вещь небольшая по объему, которую легко спрятать в комнате. Иначе зачем рыться в ее вещах? О господи, что она там нашла? Бриллиант, замаскированный под картофелину? Я бы на ее месте отнесла вещицу в банк.

– Может, она так и сделала, но тот, кто искал, надеялся, что она с ней не расстанется.

– Тогда это не бриллиант, – съязвила я.

– Не отвлекайся. У нас есть еще звонок: Кошкину спрашивали о каких-то чертежах или бумагах… черт, надо срочно узнать, кем был папаша. А вдруг он какой-то кагэбэшник, у которого хранился компромат на неких лиц, и они…

– Если кагэбэшник, то это не ко мне, – усмехнулась я. – Терпеть не могу боевики со злодеями-чекистами.

– Хрен с ними. Я их тоже не люблю. Путь будет бриллиант в картофелине.

– Нет, – немного подумав, сказала я. – Это должны быть какие-то бумаги. Провалялись в чулане вместе со старыми фотографиями, и на них долгие годы никто не обращал внимания. Но бумаги ценные. Иначе весь этот сыр-бор устраивать ни к чему.

– Само собой, – кивнула Женька.

– Человек, который пытался их найти, не мог действовать открыто, то есть он не явился к Кошкиной с автоматом или обрезком металлической трубы и не потребовал отдать их. Значит, это не бандиты.

– Что очень хорошо для нас.

– И не кагэбэшники, что дважды хорошо. Тогда скорее это родственник.

– Или старый приятель отца. Или приятель приятеля, – веселилась Женька. – То есть тот, кто подозревал, что бумаги в принципе могут существовать, но не был в этом уверен. Не то давно бы навестил чулан старикана. А вот вояж Кошкиной после похорон в некое место позволил ему надеяться, что бумаги есть и они у нее. А ты говоришь: банально, – подзадорила меня Женька. – Смотри, сколько всего напридумывали.

– Вот именно, – скривилась я. – Напридумывали. Теперь самое главное. Кошкина внезапно исчезает. Этому может быть две причины: либо она отправилась в очередной вояж, либо кому-то надоело без толку копаться в ее вещах и он стал действовать более решительно.

– То есть похитил женщину с намерением провести допрос с пристрастием? – весело предположила Женька. Тут мы уставились друг на друга, и улыбки сползли с наших физиономий.

– Черт, – прошептала я. – Из дома она ушла в субботу, а в понедельник в ее квартире появился некий молодой человек. Соседки решили, что это дружок Юльки, но сама Юлька с этим категорически не согласна.

– И Кошкина до сих пор не вернулась. Выходит, что отпускать ее после допроса никто не собирался. Анфиса, не хочу каркать, но боюсь, что мы опоздали.

– Будем надеяться, что это наши фантазии и Кошкина кайфует у друзей на даче, – поспешно сказала я, но, если честно, очень в этом сомневалась. В груди вдруг стало холодно, и веселиться желания больше не возникало. Если в наших догадках есть доля правды, то женщина уже мертва. Женька взглянула на часы:

– С утра в милицию пойдем?

Я вздохнула:

– Будет ли толк? Хорошо, если выслушают. Надо подключать Кошкина, пусть заявление напишет.

Мужа подключать не пришлось. Утром мы отправились в отделение милиции Первомайского района, где проживала Кошкина, и, едва войдя в здание, услышали гневный голос Ольги:

– Лодыри окаянные, человек пропал, а им и горя мало.

Пройдя по коридору, мы обнаружили Ольгу у окошка, за которым укрылся дежурный, еще два «лодыря» по соседству с ним с интересом разглядывали стены, делая вид, что происходящее их не касается. Увидев нас, Ольга, которая уже начала выдыхаться, приободрилась и с новыми силами принялась взывать к гражданской совести. Если честно, их стойкое нежелание приобщиться к чужому горю было мне понятно. Я вчера тоже не хотела. Опять же, история в ее, так сказать, первозданном виде душевного трепета не вызывала и даже выглядела дурацкой, но за ночь я так уверилась в наших с Женькой фантазиях, что теперь не сомневалась: с Кошкиной случилась беда, потому присоединила свой голос к Ольгиному. Женька извлекла журналистское удостоверение и умудрилась переорать нас обеих. Милиционеры каменели лицом, пока один из них вдруг не спросил меня:

– Вас Анфисой зовут?

– Да, – растерялась я, подумав: «Неужто благодарный читатель?» Ольга с Женькой тоже присмирели, ожидая, что последует за этим.

– А муж ваш полковник Громов?

– Так точно, – ответила за меня Женька.

– Володя, прими у них заявление, – устало обратился он к товарищу. Только я хотела возмутиться: это что же выходит, если муж полковник, то заявление примут, а если нет, то… как он огорошил нас вторично: – Все равно не отстанут. От них уже в городе все менты стонут. Сыщицы-любительницы.

Женька набрала в грудь воздуха, желая возразить, но тут Володя протянул руку и обреченно сказал:

– Давайте заявление.

И весь Женькин пыл внезапно угас под его взглядом мученика.

– И что теперь? – чуть ли не шепотом спросила Ольга, когда мы вышли из отделения.

– Дело заведут, – буркнула Женька. – Они лучшие умельцы по заведению дел.

– А Машка?

– Будем надеяться, что с ней все в порядке.

Прошло два дня, Кошкина так и не появилась. В то, что с ней все в порядке, верилось с большим трудом. Наше расследование пришлось временно прекратить, потому что нагрянул Ромка, а при нем даже упоминать о нашем расследовании не стоило. Он считал, что раскры-

вать преступления должны профессионалы, а мы только портим жизнь себе и людям. К тому моменту уже все мои мысли были о Кошкиной, и приезду мужа я не то чтобы не обрадовалась, просто вздохнула с облегчением, когда проводила его на вокзал.

Два дня Женька у меня не показывалась, и это тоже беспокоило. Потому я сразу же ей позвонила.

– Это ты? – спросила она без намека на теплоту и большое счастье. – Любимого проводила?

– Только что. Как дела?

– Чьи?

– Не вредничай. Есть новости?

– Менты вроде бы прониклись и робко начали поиски. Только ни фига они не найдут. А если найдут, то сама знаешь что. Один умник вчера заявил: вся надежда на грибников.

– Это в каком же смысле? – удивилась я.

– В том смысле, что, шляясь по лесу, они набредут на труп, если его закопать не потрудились.

– Давай будем оптимистами, – вздохнула я.

– Давай. Они его найдут. Сгодится?

– У тебя скверное настроение, – констатировала я.

– Неудивительно. Ладно, подъезжай на Чехова, я в кофейне, жду Петечку.

Я поспешила на улицу Чехова, чувствуя себя предательницей. Подруга права, нельзя думать только о личном счастье. «Женьке просто делать нечего», – шептал кто-то очень сердитый внутри меня, но я мысленно попросила его заткнуться.

Женьку я узнала не сразу: стрижка каре, цвет волос определить затрудняюсь, немного похоже на ржавчину. Подружка взглянула на меня и нахмурилась:

– Как тебе?

– Восхитительно.

– Мне тоже нравится, – кивнула она, а я понадеялась, что это правда.

Не успела я заказать себе кофе, как появился Петечка. Женька боялась, что он припрется в форме. Обошлось. Рост метр девяносто семь, пятьдесят четвертый размер, обувь шьет на заказ, коротко стриженный, подбородок лопатой, смотрит исподлобья. Немногочисленные посетители поглядывали в его сторону настороженно. Оно и понятно. Я к внешности своего мужа тоже долго привыкала, пока не поняла главное: если человек выглядит как мой Ромка или тот же Петечка, это вовсе не значит, что он тупой или злобный придурок, который ненароком пришибить может. Как правило, здоровяки добродушны и с мозгами у них все в порядке. А у Петечки улыбка потрясающая, он улыбнулся и стал почти красивым.

– Привет, – сказал он, приглядываясь к стулу, и все-таки сел на диван. – А я-то думал, что у нас любовное свидание.

– Перебьешься, – фыркнула Женька, а я недовольно покосилась в ее сторону. – Дело у нас, – заявила подружка.

– Это я уже понял.

– Важное. Надо получить распечатку телефонных звонков.

– Ты опять с этой Кошкиной? – удивился Петечка. – Так вроде ее менты ищут.

– Не зли меня. Известно, как они ищут… Короче, сделаешь?

– А куда мне деваться? У меня только один вопрос, – сказал он, поворачиваясь ко мне. – Ромка знает, что вы тут опять расследование замутили?

– Петечка, я подумала, что Роме сейчас ни к чему отвлекаться на разные пустяки и…

– Ага, – кивнул Петечка с таким видом, точно поймал меня на воровстве в супермаркете.

– «Ага», – передразнила его Женька. – И ты ему ничего говорить не смей.

– На это я пойти не могу, – отчаянно замотал головой Петюня. – Он мой друг, к тому же начальник. От начальства ничего утаивать нельзя. Грех большой.

– Прекрати кривляться, – посуровела Женька.

– Вот если бы ты…

– Я буду любить тебя всю твою оставшуюся жизнь, – не дожидаясь, когда он договорит, предложила подруга, а я, подумав, что этот срок будет очень недолгим, тоже нахмурилась и сказала:

– Вот только посмей Ромке сказать.

– Ох, горе горькое, – заныл он. – На что вы меня толкаете? Ладно, так и быть. Значит, распечатка разговоров Кошкиной? За какой срок?

– За два месяца, – поспешно сказала я.

– Что вы надеетесь узнать?

– Кто ей звонил, естественно.

– Это я понял, хотя кое-кто здесь меня и считает тугодумом. Но что вам это даст?

– Вот узнаем, кто ей звонил, и все станет ясно. Так, производственное совещание закончено. Иди работай, – кивнула она Пете.

– Здрасьте, а любовь? Ну, ладно, если не любовь, то хоть чаем напоите.

Женька несколько смягчилась, и чаю он выпил. Уходить не спешил, но Женька вскоре подняла меня из-за стола, не дав доесть пирожное.

– Куда ты несешься? – рассердилась я.

– У меня назначена встреча. Через двадцать минут мы должны быть на Воровского.

– Тогда об этом стоило подумать раньше, туда минимум полчаса езды.

– У тебя на спидометре двести с лишним километров, не понимаю, зачем при этом ползти со скоростью восемьдесят?

– С этим вопросом не ко мне. Ладно, попробуем доехать за двадцать минут, – сказала я, устраиваясь за рулем. – А зачем нам на Воровского?

– Там находится фирма, в которой трудится Петренко Павел Ильич.

– Племянник Кошкиной? Как ты его нашла?

Женька поморщилась.

– Не я, Петюня. Я бы, конечно, тоже нашла, но угробила бы на это кучу времени. А его надо экономить.

– И что Петренко? Кто он такой вообще?

– А вот сейчас и узнаем. Петька сказал, что Павел работает в фирме «Арена». Телефон дал, я позвонила – господин Петренко очень занят, но готов уделить нам несколько минут, если мы заедем в офис. Его голос просто потрясал самодовольством, не удивлюсь, если он там служит курьером. Или охранником.

– Если верить Ольге, Кошкина с ним не общалась.

– Ольга могла и не знать. Она несколько раз повторила, что Кошкина человек скрытный, – это во-первых, а во-вторых, мы решили, что, если Кошкина получила в наследство нечто ценное, в ее исчезновении прежде всего следует подозревать родственников.

– В понедельник Ольга видела молодого человека…

– Вот-вот. С мужем Кошкиной я вчера встречалась.

– Ты мне ничего не говорила.

– Так говорю.

– Что он сказал?

– Петечка узнал, где он работает, я позвонила ему на работу. Когда рядом нет супруги, он более разговорчив. Но он ничем меня не порадовал. С Кошкиной они видятся редко, за последние полгода встречались всего раза три. Один раз, сразу после смерти отца, он заезжал узнать, не нужна ли ей какая-нибудь помощь. Говорит, что Кошкина выглядела очень расстро-

енной, «места себе не находила», как он выразился, что было довольно странно, если учесть, что своего отца она никогда не жаловала, по крайней мере не раз отзывалась о нем как о человеке, которого она вычеркнула из своей жизни. Разумеется, смерть всех примиряет и все такое прочее…

– И он не пытался с ней поговорить?

– Утешал: мол, старикан пожил достаточно, и кончины его следовало ожидать. Но она будто его не слышала.

– Занятно, – пробормотала я.

– Еще как, – кивнула Женька. – Дураку ясно, что-то она в чулане нашла и это что-то не давало ей покоя. Я поинтересовалась, был ли кто из родни на похоронах.

– И что?

– Он не знает. Мария ничего ему не рассказывала. Племянника ее он не видел много лет. – Женька скривилась. – Меня не это беспокоит. Если племянник ни при чем, у нас подозреваемого нет.

– Мы еще ничего толком не узнали, – начала я утешать Женьку. – Взять хоть отца Кошкиной. Чем он занимался и откуда у него могли появиться некие ценности?

– Тут тоже беда, – вздохнула подружка. – Петюня им интересовался. – Я невольно вздохнула, сообразив, что подружка без меня зря времени не теряла. – Ничегошеньки стоящего. Биография совершенно не впечатляет. После армии поступил в техникум, всю жизнь работал на стройке, бригадиром, потом прорабом. Двадцать лет на пенсии. Жил скромно, дом, садовый участок, пчел разводил. Супруга на семнадцать лет моложе.

– Дети у нее есть? – спросила я.

– Нет. Только племянник. И, похоже, она его не жалует. Говорят, тетка на редкость скверного нрава.

– Да-а, не густо, – вынуждена была признать я и саму себя утешила: – Но это еще ни о чем не говорит.

– Конечно, – согласилась Женька. – Кошкина исчезла, и все указывает на то, что это как-то связано со смертью отца, не зря она тебе о родовом проклятье писала.

– Бывшему мужу известно, куда она уезжала на три дня?

– Нет. Говорю, они виделись не часто. Хотя не отметаю мысль о том, что она хотела скрыть свой вояж неизвестно куда и сознательно о нем умолчала. Ни подруга, ни соседи ничего о нем не знают, так что не удивительно, что и бывший муж не в курсе.

– Как он вообще? Какое впечатление на тебя произвел?

– Нормальный дядька. Даже симпатичный. По-моему, к бывшей жене хорошо относится. По крайней мере здорово переживал, что она куда-то исчезла.

– Мог притворяться.

– Само собой, – не стала спорить Женька. – Только смысла не вижу.

– А у племянника какой смысл?

Женька сокрушенно кивнула:

– Я тут напрягла одного человечка, подумала, может, Кошкина завещание оставила. Так вот, комнату она приватизировала и завещала… отгадай, кому?

– Ольгиному сыну.

– Точно.

– Он в армии. Ольга живет одна в двушке, так что не нуждается.

– Ой, не скажи, мы ведь не знаем, что у нее на уме.

– Так кого хочешь подозревать начнешь, – отмахнулась я. – Они с Ольгой подруги, Кошкина ей ключи от квартиры доверила, опять же, детей у Кошкиной нет, а Ольгиного сына она, считай, вырастила.

– Это Ольга так сказала. Но о завещании, заметь, промолчала.

– Так, может, сама не знает.

Женька нахмурилась, собираясь что-то ответить, но тут я, свернув в очередной раз, притормозила. Перед нами был офис, где трудился племянник. Обычное здание, каких в городе сотни. Козырек над входом и табличка. Стоянка забита машинами, пришлось проехать дальше и припарковаться в переулке.

Мы вошли в небольшой холл и увидели охранника. Он сидел за столом и читал детектив, пристроив его на коленях, пребывая в убеждении, что никто его хитрости не заметит. Когда мы подошли, он поднял голову и вежливо спросил:

– Вы к кому?

– К Петренко, – ответила Женька.

Мужчина поспешно сунул книгу в ящик стола и потянулся к телефону.

– Оля, тут Павла Ильича спрашивают, – сказал он. – Да, две девушки. Как ваши фамилии? – обратился он к нам. Женька назвала фамилии, он кивнул и попросил: – Подождите две минуты, сейчас за вами придут.

Мы пристроились на диванчике у окна, но почти в тот же миг появилась девушка, окинула нас быстрым взглядом и с улыбкой сказала:

– Прошу.

Мы отправились за ней узким коридором. Женька не отрываясь смотрела девице в спину и хмурилась. Девушка была хороша: высокая, длинноногая блондинка. Деловой костюм подчеркивал достоинства фигуры. Белая блузка на груди расстегнута чуть ниже, чем следовало, так что виден красный бюстгальтер. Шла она плавно, точно плыла по коридору, и это несмотря на высоченные каблуки.

– Секретутка, – буркнула Женька.

Я скроила сердитую физиономию:

– Надо быть добрее.

– С конкурентками не церемонятся, их уничтожают.

– Это ты о чем?

– Все о том же. Тебе хорошо, ты замужем, а у меня вот такие олигархов уводят. Впрочем, этой слабо.

Почему «слабо», я так и не узнала, девушка распахнула перед нами дверь, и мы оказались в роскошной приемной, где за столом сидела точно такая же блондинка, единственное отличие от первой – очки на кончике носа, которые ей наверняка были без надобности. Она кивнула нам и дежурно улыбнулась, после чего поднялась и распахнула дверь, что находилась рядом, и мы вошли в просторный кабинет, где в глубоком белом кресле сидел мужчина лет тридцати и пил кофе, глядя в окно. Заметив нас, он отставил чашку, поднялся и шагнул нам навстречу.

– Добрый день! – Приветствуя нас, он чуть прищурился и протянул руку. Я намеревалась ее пожать, но он запечатлел на моей руке поцелуй, то же самое проделал с рукой подруги, после чего она стала смотреть на него как на рождественский подарок, то есть по упаковке пытаясь оценить, чего от него ждать, и очень надеясь, что на сей раз ей повезет.

Надо сказать, Павел Ильич способен был составить счастье любой особы. Высокий, с отличной фигурой, стильной стрижкой и мягкой улыбкой. Английский костюм и часы, которые стоили примерно столько, сколько Женькина тачка. Я некстати подумала, что, возможно, это судьба и подружка наконец найдет свое счастье, потом вспомнила, что мужчины с отличной фигурой, часами и прочим в ее жизни уже были, но обходилась с ними Женька ничуть не лучше, чем с Петечкой. Две блондинки мне тоже не очень понравились, вернее, они точно не понравились Женьке. Тут мне в голову пришла вот какая мысль: если перед нами племянник Кошкиной, то заподозрить его в том, что он желал ее гибели, чтобы заполучить комнату в коммуналке, просто нелепо. Обстановка кабинета стоила больше, чем можно было бы выручить за комнату. В общем, я мысленно вздохнула: ищем не там. Однако Женька явно не считала визит

сюда зряшным. Глаза ее сияли, рот был раздвинут до ушей, я даже испугалась, что она, чего доброго, начнет облизываться, но обошлось.

Между тем хозяин кабинета, покончив с поцелуями, надумал представиться:

– Петренко Павел Ильич.

Женька назвала себя и родную газету, затем указала на меня и, не дав мне рта открыть, возвестила:

– Анна Асадова, – с таким видом, что становилось ясно: в этом месте должны раздаться бурные и продолжительные аплодисменты.

Бьюсь об заклад, мое имя, точнее, псевдоним ничегошеньки Петренко не сказал, но он улыбнулся еще шире и посмотрел на меня оценивающе, должно быть, гадая, кого черт принес.

– Спасибо, что согласились встретиться с нами, – ласково пропела Женька. Павел Ильич проводил нас к столу и усадил в мягкие кресла.

– Кофе, чай?

Женька решила выпить кофе, я чай. Пока одна из блондинок сервировала стол, Петренко с удобствами устроился между нами, как видно, еще не решив, на кого стоит излить свое обаяние. Я напустила в глаза дурнинки, и он переместился ближе к подруге, которая отчаянно скалила зубы. Он опять взглянул на меня, а я подумала: когда рядом сидит такой парень и смотрит на тебя со значением, поневоле начнешь самой себе завидовать. Тут я вспомнила о Ромке и уставилась в пол. Женька закинула ногу на ногу (своими ногами она очень гордилась), и с этого момента Петренко только на них и пялился. Если учесть, что в приемной у него были две пары ног ничуть не хуже, следовало сделать вывод, что он активно включился в игру. Минут пятнадцать Павел Ильич потчевал нас печеньем и конфетами, вскользь упомянул, что фирма под его руководством активно развивается, назвал годовой оборот, после чего мы уже не сомневались: перед нами отечественный олигарх, знакомством с которым мы должны гордиться. Наконец он выдохся и, ласково глядя на Женьку, предложил:

– Что ж, давайте обсудим наши дела.

На лице подруги появилось непонимание. Павел Ильич кашлянул и спросил:

– Вас ведь Альберт Иванович прислал?

Альберт Иванович – Женькин босс, но услышать родное имя в этот момент она явно не ожидала. Непонимание на ее физиономии читалось все отчетливее.

– Извините, – вновь кашлянул Павел Ильич, теперь и он пребывал в растерянности, пытаясь понять, зачем мы пожаловали.

– Альберт Иванович? – нахмурилась Женька. – Собственно, мы совершенно по другому делу, то есть к газете это не имеет отношения.

– Да?

– Мы хотели бы поговорить с вами о вашей тете, – влезла я. Петренко моргнул, должно быть, пытался вспомнить, есть ли у него тетя. – О Кошкиной Марии Степановне, – напомнила я.

– А-а… – Он вроде бы обрадовался, кивнул и опять уставился на Женькины ноги, но радость его длилась недолго, он вдруг нахмурился и спросил: – А при чем здесь тетя?

Только я хотела спросить «где?», как заговорила Женька.

– Дело в том, что ваша тетя прислала письмо моей подруге. – Она кивнула на меня. – Странное письмо. Анна решила с ней встретиться, и тут выяснилось, что ваша тетя исчезла. Она не появлялась дома уже более недели, и никто не знает, где она может быть.

– Ах, вот в чем дело… К сожалению, я тоже не знаю, – улыбнулся Павел Ильич. – Если честно, я о тете успел забыть. Мои родители развелись, и с родственниками по отцовской линии я не имел никакой связи. Кошкина – сестра моего отца, – счел нужным пояснить он. – Могу я взглянуть на письмо? – спросил он.

Женька мне кивнула, я достала письмо и протянула ему.

– Действительно странное послание, – пожал он плечами. – А почему она обратилась к вам?

– Она читала мои книги. Я пишу детективы.

– А-а-а… – вряд ли это что-то ему объяснило.

– Когда вы видели ее в последний раз?

– На похоронах деда, – ответил он.

– Вы ездили на похороны?

– Что в этом удивительного?

– Ничего, конечно. Но вы сказали, что после развода родителей…

– Пожалуй, я действительно должен кое-что объяснить, – улыбнулся Петренко. – Своего деда я не видел много лет. Родители развелись, вскоре отец погиб, а моя мать со свекром не ладила. Не знаю, в чем причина, она мне никогда об этом не говорила. В детстве я с отцом часто ездил к деду. С моей точки зрения, он был прекрасный человек. Последний раз я был у него после окончания института. Его супруга… в общем, я понял, что мне там совсем не рады. Дед испытывал неловкость, что неудивительно, а я… я решил, что больше к нему не поеду. Глупость, конечно. Но в юности многого не понимаешь. Все последующие годы мы довольствовались звонками. Сначала созванивались на каждый праздник, потом все реже и реже. К сожалению, так часто бывает. Я собирался к нему съездить, но… дела, – развел он руками. – И вдруг пришла телеграмма: дед умер. Разумеется, я поехал на похороны, горько сожалея, что так и не успел повидать его. – Петренко подошел к полке, где стояло несколько фотографий, и повертел одну из них в руках. – Это все, что осталось у меня на память о нем, – вздохнул он.

Мы с Женькой поднялись и подошли ближе. На полке стояла фотография президента и портрет женщины в черном платье с ниткой жемчуга.

– Моя мать, – пояснил Петренко. – Умерла год назад. А вот это мой дед. – Он протянул фотографию мне.

На фото солдатик лет двадцати в шинели и шапке-ушанке улыбался, глядя в объектив камеры. Снят он был на фоне какой-то церкви.

– Ваш дед воевал? – спросила я.

– Да. Это единственная фотография тех лет. Он рассказывал, что к ним в часть приезжали газетчики… Я нашел снимок в бумагах отца после его смерти.

– А с Кошкиной на похоронах вы разговаривали?

– Разумеется.

– О чем?

– О чем в таких случаях принято говорить? Народу было мало, его жена, соседи… жена, по-моему, очень переживала из-за наследства. Тетю это раздражало. Если честно, я ее даже не узнал, и она меня тоже, что неудивительно. Я уехал сразу после похорон, а она отправилась на поминки, сказала, что останется на пару дней.

– И вы больше не встречались?

– Нет.

– И не заходили к ней домой?

Мой вопрос его вроде бы удивил.

– Заходил ли я к ней? Признаться, я даже не уверен, что точно помню, где она живет. До похорон мы виделись лет двадцать назад. По-моему, она тогда жила где-то в Гончарном переулке.

– Вы знали, что она развелась с мужем?

– Кажется, мама что-то говорила об этом.

– Они общались?

– Нет. Но какие-то сведения до нее доходили, через общих знакомых, наверное. На похоронах у нас не было возможности побеседовать, какие-то общие фразы… в общем, я понятия не имею, как жила тетя все эти годы. И ее письмо для меня загадка.

– Но в детстве вы часто бывали у деда, по вашим собственным словам, – не унималась я, хотя было ясно: ничего ценного от Петренко мы не узнаем. – Может быть, вы слышали какие-то рассказы… или ваша мама что-то вам говорила.

– О чем? – вроде бы удивился Павел Ильич.

– О чем-то, что можно было бы счесть родовым проклятием?

Павел Ильич серьезно посмотрел на меня, потом как-то нерешительно улыбнулся, а в следующее мгновение уже тихо смеялся.

– Боюсь, что из истории моей семьи романа не получится. Понять не могу, что имела в виду тетя… Знаете, если честно, мне она показалась… немного… не в себе, одним словом.

– Чокнутой, что ли? – хмыкнула Женька.

Павел Ильич нахмурился.

– Я не стал бы называть это именно так, но… иногда одинокие женщины в ее возрасте очень увлекаются своими фантазиями. Возможно, она что-то вообразила… развод, смерть отца, ее собственное здоровье. Она сказала мне, что живет на пенсию по инвалидности. Я еще подумал, что надо бы ей помочь. Собирался позвонить, но все руки не доходили.

– Номер телефона она вам оставила?

– Да, мы обменялись телефонами. Но она мне тоже не звонила.

Я точно помнила, что в записной книжке номера телефона племянника не было. Или она не успела занести его в записную книжку, или вовсе не собиралась звонить.

– А почему вы спросили, не был ли я у нее?

– Из ее квартиры выходил мужчина, – вздохнула Женька. Кажется, разговор ее начал утомлять.

– И что? – не понял Петренко.

– Мы пытаемся установить, кто это был.

– Собственно, я с трудом представляю, чего вы хотите? – задал он вопрос, а я подумала: «Странно, что он не задал его раньше».

– Пытаемся найти вашу тетю, – вторично вздохнула подружка.

– Возможно, она не заинтересована в том, чтобы вы ее нашли.

– Возможно, – согласилась я. – Тогда письмо писать не следовало. Вы же должны понимать, что ситуация странная: это письмо и ее внезапное исчезновение.

– Ах, ну да, вы же пишете детективы, – усмехнулся он, но тут же посерьезнел. – Конечно, то, что ее нет уже… неделю, вы сказали? В самом деле странно. Но… она могла уехать куда-то, а соседи и знакомые не в курсе, потому что она просто забыла им сказать. Или не захотела.

– Однажды она уже отлучалась на три дня, – кивнула Женька. – Как раз после похорон.

– Вот видите. А куда отлучалась?

– Понятия не имеем.

– Жаль, – вздохнул он. – Будем надеяться, что с тетей все в порядке и она вскоре появится.

Эту фразу я сочла сигналом, что разговор окончен. Однако Петренко вроде бы никуда не спешил, предложил еще чаю, но я от чая отказалась, поднялась и кивнула Женьке.

– Павел Ильич, извините, что отняли у вас время.

– Что вы, речь идет о моей тете. Кстати, как вы считаете, может, мне следует обратиться в милицию? В конце концов, человек не показывается дома… Хотя не знаю, что скажу им…

– Не беспокойтесь, в милиции мы уже были, – ответила Женька. Он чуть приподнял брови и изрек: «Н-да?», после чего кивнул. – Соседка заявление написала.

– Неужели все так серьезно? – развел он руками. На это мы ничего отвечать не стали и направились к выходу. – Я вам очень благодарен, – вдруг заявил он. – В наше время не часто встретишь людей, готовых откликнуться… – На что мы там откликнулись, я так и не узнала, потому что Петренко резко сменил тему: – Я вот что подумал: а не поужинать ли нам вместе? – Взгляд его, обращенный ко мне, а затем и к Женьке, прозрачно намекал, что ничего общего с благодарностью его предложение не имеет. – Как вы? – застенчиво спросил он; застенчивость ему так же удавалась, как Женьке скромность.

– Если муж возражать не будет, я не против, – кивнула я. Женька закатила глаза, но тут же улыбнулась еще шире.

– Надо подумать, – пропела она. На раздумье ушло ровно четыре секунды, после чего она кивнула: – Идея в самом деле не плоха.

– Тогда я вам позвоню, если не возражаете. Вы ведь звонили мне с мобильного? Следовательно, ваш номер у меня есть.

Он вместе с нами вышел в приемную и проводил до двери.

– Чего ты сунулась со своим мужем? – зашипела Женька, когда мы оказались в коридоре.

– Для тебя старалась, – съязвила я.

– Да? Ну тогда спасибо. – Женька почесала нос и посмотрела на меня с сомнением. – Как он тебе?

– Красавец.

– Я серьезно.

– Серьезно красавец.

– А насчет всего остального?

– Бабник.

– Печально, но это почти вне сомнений. Одни секретарши чего стоят, небось трахает их по очереди. Блин, время только зря потеряли. Петюню придушу, – буркнула она.

– За что?

– За то, что не сказал, кто здесь заправляет. «Работает в фирме», – передразнила Петю Женька. – Вот поросенок. Хотел поставить нас в идиотское положение.

– Вряд ли.

– Не защищай супостата. Значит, так. Павел – мужчина очень даже ничего, опять же на ужин хотел пригласить, за что боженьке спасибо, однако для нашего дела он, боюсь, совершенно бесполезен.

Я пожала плечами.

– Чего молчишь? – не унималась Женька.

– С годовым бюджетом, который парень нам озвучил, битый час потратить на разговор с какими-то девицами…

– Мы красавицы, – обиделась Женька.

– Само собой. Но все равно странно. Допустим, так легко на встречу он согласился потому, что у него с твоим Альбертом дела, – кстати, узнай какие на всякий случай. Но, сообразив, с чем мы пожаловали, он был просто обязан нас поскорее выставить.

– Вдруг в нем сильно развиты родственные чувства? Что, бабник не может быть хорошим семьянином? Ой, что-то я не то сморозила… дедушку любит, портрет в кабинете держит.

– Вот именно. Это тоже странно.

– Почему? Там президент, мама и дед, по-моему, хорошая компания. Ты же помнишь, что он рассказывал: собирался навестить деда, но не собрался, тот взял да и помер, у Петренко чувство вины, то да се… ну и поставил фотку. И с нами трепался, потому что видел в этом свой долг. Хороший парень, одним словом.

Я пожала плечами, не зная, что возразить. Потом покосилась на Женьку:

– Ты пойдешь с ним ужинать?

– Конечно. Должна же я пристроить себя в хорошие руки.

– А эти девицы?

– Уволю, – ответила Женька.

Мы вернулись к машине. Когда она пойдет ужинать с Петренко – еще вопрос, а что делать сейчас – не ясно.

– Есть идеи? – на всякий случай спросила я.

– Слушай, а может, дед на войне чего отчудил? – вдруг сказала Женька. – Пристрелил кого случайно или товарища энкавэдэшникам сдал?

Я вспомнила про паренька на фотографии и пожала плечами.

– Не знаю. Женька, – позвала я. – Вдруг наша Кошкина действительно не в себе? Написала это письмо и…

– И что?

– Уехала куда-нибудь. У психов такое бывает.

– Соседи ее психической не считают.

– Что мы, собственно говоря, надеемся узнать?

– Где сейчас Кошкина. Если она действительно уехала, то, скорее всего, туда, где была в прошлый раз.

– Не обязательно.

– Не обязательно, – согласилась Женька. – Но хотелось бы знать, чтобы проверить.

– Может, Петька прав, и мы ерундой занимаемся.

– Не зли меня.

– Хорошо. Тогда я хотела бы поговорить с ее мужем.

– Я же с ним уже встречалась, – удивилась Женька. – Ничего он не знает.

– Они прожили несколько лет, и он был знаком с ее отцом. Так ведь? По крайней мере она должна была их познакомить.

– Конечно. Только я не понимаю…

– Если мы решили, что ее исчезновение связано с отцом, то есть с некой вещью, которую Кошкина получила после его смерти… что-то должно быть в биографии старикана.

– Нет там ничего, – огрызнулась Женька. – Совершенно унылая биография. Да он на одном предприятии умудрился двадцать пять лет проработать.

– Все-таки я бы съездила в Воронеж, поговорила с женой и вообще…

– Уверена, что его жена ничегошеньки не знает. Не то бы Кошкина никогда не получила то, что она, по нашим предположениям, должна была получить.

Я пожала плечами:

– Тогда остается муж.

– Ладно, – вздохнула Женька и достала мобильный. Я лениво прислушивалась к разговору, глядя в окно. – Порядок. В половине десятого он выходит гулять с собакой, просил быть в парке рядом с его домом. Конспирация, – хихикнула подружка. – Жены он боится, как черт ладана. – Она опять хихикнула и вздохнула: – Ну, что стоим?

– Говори, куда ехать.

Женька поскребла затылок, посмотрела с печалью и сказала:

– Купаться.

Домой мы вернулись около семи, и почти сразу же позвонил Петренко.

– Я заказал столик в «Эрмитаже», – сообщил он. – Мне за вами заехать?

Женька заверила, что мы сами способны добраться, и я с удивлением поняла, что тоже приглашена на ужин.

– Дашь мне свой сиреневый костюм, – сказала Женька, разглядывая себя в зеркале.

– А я в чем пойду?

– Это мой бенефис, у тебя муж есть, если уж ты так неудачно о нем вспомнила.

Я вздохнула и пошла выбирать себе платье.

Когда я вновь появилась в комнате, Женька стояла у комода и держала в руках фотографию. Я подошла и хмуро спросила:

– Это кто?

– Кошкина. Ольга дала. Мы с ней вчера встречались.

На фотографии женщине было лет сорок. Красивое строгое лицо, губы едва тронуты улыбкой и потрясающие глаза.

– Она красавица, – сказала я.

– Точно. А мужики козлы. Таких женщин бросают.

– Она не могла иметь детей, – напомнила я.

– Все равно козлы. Вот если бы твой Ромка не мог иметь детей, ты бы его бросила?

Вопрос поверг меня в раздумья.

– Нет, – наконец ответила я. – Но я бы очень переживала.

– Вот. А он бросил.

– Женщины тоже оставляют мужчин. Ты сама скольких бросила?

– Это совсем другое. Я же замуж не выходила. А потом, они сами виноваты. Ладно, поехали, а то опоздаем.

Петренко прохаживался возле ресторана с таким видом, точно ждал свое счастье. Улыбаться стал за сто шагов, подхватил Женьку под руку, с чем я ее и поздравила. Ужин удался, в том смысле, что вино и еда были превосходны, Петренко изо всех сил старался нас развлечь, в чем преуспел, но я все равно осталась недовольна. Сколько я ни пыталась вернуть разговор к интересующей меня теме, Павел Ильич ничего нового так и не сообщил. В девять часов я заявила:

– Боюсь, мне пора, – и покосилась на Женьку.

– Тебе в самом деле так необходимо идти? – голосом ученицы младших классов спросила она.

– Сердцем я с вами, но идти придется.

– Как жаль. – Женька плотоядно посмотрела на Петренко. Может, мне показалось, но наш Казанова слегка запаниковал. И правильно. Я бы на его месте хорошенько подумала, прежде чем соблазнять мою подругу.

Выйдя из ресторана, я села в машину и отправилась на улицу Горького, где жил Кошкин. Адрес Женька дала мне еще дома. Оставила машину возле сквера и пошла по аллее, теряясь в догадках, как его узнаю. Пора ему было уже появиться. По аллее бродили собачники со своими питомцами, вяло переговариваясь друг с другом. Я прошла до конца сквера, повернула назад и тогда заметила мужчину – он только что вошел в парк, спустил с поводка белого пуделя и начал оглядываться. Я ускорила шаги.

– Владислав Николаевич? – спросила я, подходя к нему.

– Да, – ответил он, с удивлением посмотрев на меня.

– Меня зовут Анфиса. Это мне ваша жена прислала письмо.

– Вот как, – сказал он, приглядываясь ко мне.

– Извините. Евгения не смогла прийти, вы не против поговорить со мной?

– Не против. Правда, я не представляю… собственно, чего вы хотите?

– Найти вашу бывшую супругу.

– Я был в милиции, меня заверили, что ее ищут.

– Я хотела поговорить с вами о ее отце. Вы ведь были с ним знакомы?

– Конечно, я был с ним знаком. Мы прожили с первой женой пятнадцать лет и…

– Что это был за человек?

Мы не спеша шли по аллее. Кошкин, следя взглядом за пуделем, который примкнул к ватаге собак, молчал. Я уже хотела повторить свой вопрос, и тут он ответил:

– В двух словах и не скажешь. С моей точки зрения – нормальный мужик. Обыкновенный. С другой стороны… было в нем что-то… настораживающее. Может, это из-за рассказов Маши. Она считала отца виновным в смерти матери. По ее словам, он избивал жену, умерла она от опухоли мозга, что могло явиться следствием удара. В общем, я не знаю, насколько на мое собственное впечатление повлияли ее рассказы.

– Но она ведь продолжала общаться с отцом после смерти матери?

– Он почти сразу женился, его новая супруга оказалась малоприятной особой. Окончив школу, Маша уехала к брату, он был старше ее, успел закончить институт и уже работал, здесь, в нашем городе. Он был женат, имел сына. Она поступила в институт, снимала комнату, потом мы познакомились… – Он вздохнул и, нахмурившись, смотрел куда-то невидящим взглядом. Я вдруг подумала, что он, наверное, до сих пор любит свою бывшую.

Я пригляделась к нему. Довольно крупный мужчина, симпатичный, ясно, что не без образования, лицо интеллигентное. Представить его смертельно боящимся своей жены было затруднительно.

Но тут он вторично вздохнул, плечи опустились, в глазах появилась маета, и он вмиг стал похож на типичного подкаблучника. Можно было бы немного поразмышлять на данную тему, но мне не хотелось. Свою прогулку с собакой он мог прервать в любой момент, а мне еще о многом надо поговорить.

– Ее отец был на вашей свадьбе? – спросила я, чтобы вернуть его к интересующей меня теме.

– Конечно. Когда мы поженились, их отношения вроде бы наладились. По крайней мере, несколько раз в год мы непременно к нему ездили. Он тоже приезжал, довольно часто. Без супруги. Маша его жалела. Но при этом… было у нее какое-то чувство… брезгливости, что ли. Мы никогда об этом не говорили, но я видел.

– С чем это было связано, как по-вашему?

– Ее мать была красивой женщиной, при этом очень добрым, отзывчивым человеком, по крайней мере так о ней говорили все. Она была хорошей матерью и хозяйкой, в доме все сверкало чистотой… а он относился к ней безобразно. После ее смерти женился на жуткого вида бабище, которая кормила его слипшимися макаронами и знать не знала, что полы в доме надо хоть иногда мыть. А он души в ней не чаял, боялся поперек слово сказать. – Тут Кошкин опять вздохнул, возможно, вспомнил свою супругу.

– Значит, вы считаете Машины сложные отношения с отцом следствием того, что она его винила в смерти матери?

– А что же еще? – вроде бы удивился Кошкин.

– Вдруг в его жизни было нечто такое…

– Мне об этом ничего не известно. Я не очень понимаю, зачем вам ее отец.

– У нас есть повод думать, что ее состояние… назовем это беспокойством, как-то связано с его смертью. Не могла ли она что-то найти… – Договорить я не успела: белый пудель сцепился с фокстерьером, и Кошкин бросился выручать питомца. Минут пять он был занят его воспитанием, а когда успокоенный пудель потрусил рядом, Кошкин посмотрел на меня и пожал плечами:

– Честно говоря, не представляю, что она могла там найти. Особо ценных вещей в доме, насколько я помню, никогда не было, если только какие-то бумаги… Но что такого в них могло быть?

– Ее отец воевал?

– Нет, что вы. Его призвали в армию в сорок шестом году, так что войны он не застал. Служил где-то на Севере, рассказывал, что охранял немцев, пленных. Они там что-то восстанавливали, по-моему, железную дорогу. Вот он три года… Знаете, – вдруг нахмурившись, после недолгой паузы заговорил он. – Я кое-что вспомнил. Однажды, кажется, это был день

рождения тестя, мы были у него в гостях: я, Маша, Илья с семьей, это Машин брат, еще какие-то люди. Степан Иванович довольно много выпил, Маша пыталась его спать уложить, но он ни в какую. Взял аккордеон, он, кстати, прекрасно играл на аккордеоне, и начал песни петь, на немецком. Очень смешно у него получалось, все хохотали, в общем, было весело, только Маша вела себя как-то нервно, смотрела на отца едва ли не со злостью. Я попытался ее успокоить, в чем дело, спрашиваю. А она: сейчас, говорит, начнет всякую чушь болтать.

– И что, начал? – спросила я. Кошкин взглянул на меня и кивнул.

– Да, он тогда здорово разговорился, вроде бы смешные истории про пленных рассказывал, и все смеялись, может, потому, что выпили много, и никто над смыслом не задумывался.

– А вы задумались?

– Вроде того. И получилось… как бы это помягче… Мало во всем этом было смешного. Понятно, еще вчера враги, полстраны в руинах, столько горя, но все равно, они ведь люди… впрочем, нам легко судить, а тогда…

– Какую-нибудь из этих историй припомнить можете?

– Что вы, помилуйте. Сколько лет прошло. Хотя… – Он остановился и внимательно на меня посмотрел. – Знаете, что я вспомнил… Он о каком-то кладе рассказывал. О несметных сокровищах, которые он якобы видел своими глазами.

– Несметные сокровища в лагере? – удивилась я. – Может, немцы на золотых приисках работали?

– В тех краях никаких приисков быть не может.

– Тогда что это?

– Выдумки, – мягко улыбнулся Кошкин. – Но в тот момент я, признаться, засомневался и на следующий день даже с Ильей поговорил. Сам Степан Иванович наутро был неразговорчив и на домашних смотрел сурово, его я расспрашивать не рискнул, а вот с Ильей…

– И что он сказал?

– Сказал, что историю эту слышит не первый раз. Что в прошлом году они вместе с Павликом, это его сын, ездили со Степаном Ивановичем к месту его службы. Как был там лагерь, так и есть, сокровищам взяться неоткуда. К тому же сам Степан Иванович рассказывал, что сокровища эти нашли немцы, а потом их взорвали.

– Подождите, взорвали во время войны?

– Наверное. Пленные сделать это никак не могли.

– Но как сокровища, в таком случае, мог увидеть Степан Иванович?

– Да, – покачал головой Кошкин. – Чепуха получается. Может, пленные немцы хранили там свои личные вещи: часы, какие-нибудь украшения. Для парня из деревни, который досыта-то никогда не ел, это настоящий клад. Как считаете?

– Возможно. Правда, мне всегда казалось, что пленных обыскивают, вряд ли они могли что-то сохранить до своего приезда в лагерь…

Тут я вспомнила фильм «Криминальное чтиво» с рассказом одного из персонажей, как он хранил часы во вьетнамском плену, и задумалась. Чего только на свете не бывает.

– А где служил Степан Иванович?

– Точно место не помню. Неужели вы серьезно думаете, что Маша что-то там обнаружила среди его вещей? – вздохнул он.

– Не уверена, – честно ответила я. – Но ничего другого просто в голову не приходит.

– Вы считаете… Маша погибла? – с трудом произнес он.

– Мы очень надеемся, что она просто уехала куда-то. Никого не предупредив.

– Это на нее не похоже. Может, действительно отправилась искать сокровища? Последнее время она очень тяготилась своим положением, пенсия маленькая, коммуналка, соседи шумные, да и вообще… Я особенно помогать ей не мог, у меня семья, а зарплата тоже, знаете ли… в общем, иногда получалось скопить рублей пятьсот, но и их она брать не хотела. Счи-

тала меня предателем. В каком-то смысле она права. Квартиру я вполне мог оставить ей, но моя жена… – Он выразительно вздохнул и уже другим тоном продолжил: – Если она что-то нашла в вещах отца, вряд ли хотела, чтобы о ее путешествии знал кто-нибудь из знакомых. Как вы считаете?

– Будем надеяться, что с ней все в порядке.

– Но это письмо вас беспокоит?

– Конечно. Потому мы и пытаемся как можно скорее отыскать вашу бывшую супругу.

Тут Кошкин взглянул на часы и вроде бы испугался.

– Половина одиннадцатого. Мне пора домой, извините. Жена не любит, когда я опаздываю.

– Могу я вам позвонить, если вдруг…

– Конечно. Только, пожалуйста, лучше на мобильный и днем. Хорошо?

Мы простились, Кошкин, еще ниже опустив плечи, поспешил с пуделем к своему дому, а я направилась к машине. Несмотря на многие неясности, разговор с Кошкиным я не считала бесполезным. Теперь появился хоть и смутный, но все же намек на некие сокровища, которые отлично укладывались в нашу с Женькой версию. Радовало и то, что сейчас гибель Кошкиной, которая днем еще казалась практически делом свершившимся, вызывала сомнения. Что, если дама действительно отправилась на поиски сокровищ? Оттого и предпочла помалкивать. Но это успокоило меня лишь на мгновение: если слежка и обыски в комнате не плод ее фантазий, то женщина в опасности, чем скорее мы ее найдем, тем лучше.

Тут я подумала, что, возможно, ищем ее не только мы и милиция, и невольно огляделась. Редкие прохожие спешили по своим делам, компания молодых людей устроилась на скамейке с намерением выпить пива. На улице еще светло, но…

Я поспешила к своей машине и вздохнула с облегчением, когда тронулась с места. Достала телефон и набрала Женькин номер.

– Ты где?

– В ресторане, – ответила она, хихикая.

– Хорошо. Спроси у Петренко вот что: в детстве он ездил вместе с отцом и дедом к месту службы последнего, может, он вспомнит, где это?

– Спрошу. Кошкин рассказал что-нибудь интересное?

– Ты там не очень-то болтай при своем ухажере.

– Он в туалет ушел. Слушай, по-моему, он решил меня соблазнить и с этой целью спаивает. Хотя я и так не против. Эй, что скажешь? Стоит мне сегодня согрешить?

– На твое усмотрение.

– Уж очень он боек, так и подмывает к черту послать. С другой стороны, меня не убудет. Ладно, закругляемся, он возвращается. Если до двенадцати не вернусь, до утра не жди.

Я усмехнулась, убрала телефон и поехала домой. Решив сократить путь, я свернула в Аптекарский переулок. Дорога здесь узкая и совершенно пустынная. Оттого на «Жигули» я обратила внимание практически сразу. Они держались на расстоянии в несколько метров, не делая попыток меня обогнать. Впрочем, здесь это затруднительно, мало того, что переулок очень узкий, так еще с двух сторон машины припаркованы. Но, несмотря на эти соображения, я насторожилась и вспомнила свою недавнюю мысль о том, что не только мы и милиция Кошкину ищем. Вспомнила и поежилась. И прибавила газу. «Жигули» остались где-то позади.

Я свернула на улицу Серебрякова и поспешила выехать на проспект, среди людей и потока машин почувствовав себя гораздо спокойнее. На светофоре вновь свернула, отсюда до моего дома совсем недалеко, и тут… В зеркале заднего вида я заметила «Жигули». Не могу утверждать с уверенностью, что те же самые, из-за расстояния номер разглядеть я не смогла, однако почувствовала себя очень неуютно. Неужто за мной следят? Надеются, что я выведу их к Кошкиной? Да я знать не знаю, где она.

Мою догадку стоило проверить. Я затормозила возле дома с большой аркой, которую перекрывали ворота. В воротах была калитка, а рядом надпись: «Машины у ворот не ставить». По соседству нашлось местечко, и я приткнула машину, краем глаза заметив, что «Жигули» припарковались у соседнего дома. Из машины никто не показывался. Я вышла. Калитка была не заперта, чем я и воспользовалась, толкнула ее, и она открылась с жутким скрипом, а я увидела, что из «Жигулей» появился парень в джинсовой рубахе. Если бы у меня было чуть больше мозгов, я бы вернулась к машине, но вместо этого я быстро миновала арку и оказалась во дворе-колодце. Впереди тоже была арка, два подъезда – слева и справа. А сзади слышался звук шагов, которые все приближались. Что делать? Идти вперед или спрятаться в одном из подъездов? Надо было решаться, а я вместо этого замерла на месте, бестолково оглядываясь. Со мной поравнялся парень в джинсовой рубашке, улыбнулся мне и сказал, кивнув на арку впереди:

– Там тупик. Если хотите пройти на Михайловскую, то проход в соседнем дворе.

Он еще раз улыбнулся и направился к подъезду, а я, пробормотав «спасибо», вернулась к машине, вздохнув с облегчением. «Вот дура, и чего перепугалась?» Я покачала головой и поспешила домой, очень надеясь, что Женька вскоре появится.

Выпив чаю, я устроилась на кухне возле окна ждать ее. Часы показывали половину первого, и стало ясно: Женьку ждать бессмысленно, она решила согрешить и раньше утра не вернется. Вздохнув, я пошла спать.

Подруга разбудила меня в семь утра; зевая, она шла к постели и по дороге наткнулась на стул, от шума я и проснулась.

– Привет, – сказала Женька шепотом, точно боялась кого-то разбудить.

– Привет, – вздохнула я. – Ты рано.

– Терпеть не могу, когда кто-то храпит в ухо. Единственный человек, с которым я готова делить постель, это ты, – хмыкнула подруга и плюхнулась рядом со мной.

– Так он храпит?

– Уверена. – Женька зевнула и блаженно прикрыла глаза.

– Эй, так нечестно. Ты меня разбудила, а сама собираешься дрыхнуть.

– Просто тебя разбирает любопытство, – мурлыкнула Женька.

– Конечно, разбирает. Как он тебе?

– Бывало и хуже. В смысле, ничего. Ох уж эти мне Казановы, только и годятся на то, чтобы за пять минут до совещания трахнуть секретаршу.

– Ты показала ему класс?

– Само собой.

– Надеюсь, парень жив, – хихикнула я.

– Что ему сделается. Но секретаршам сегодня точно ничего не обломится.

– Бедняжки.

– Польза от моего грехопадения все же есть, – весело продолжала Женька. – Чтобы отвлечь меня от непотребных мыслей, он болтал как заведенный. Рассказал мне историю своей жизни. И знаешь, что обидно, Анфиса? В ней нет ничего интересного, я имею в виду – ничего полезного для нашего расследования.

– Скажи, дорогая, – вздохнула я, – существует мужчина, способный вызвать у тебя положительные эмоции?

– Наверное. Но Павел Ильич к ним никакого отношения не имеет.

– А как же твоя идея выйти замуж?

– За него? С ума сошла, – возмутилась Женька. – Прикинь, что за жизнь меня ожидает? Муж дни и ночи в думах о том, как нажить очередной миллион, а я в думах, как его спустить. Поход по магазинам между педикюром и солярием. Ужас. О такой ли жизни я мечтала? Нет, лучше Петечка. С ним мне хоть работать придется, на свою дохлую зарплату он меня вряд ли прокормит.

– Значит, Петренко ничего не светит, – подвела я итог.

– Пусть пока рядом пасется, опять же, вдруг что полезное вспомнит. Ладно, я вздремну немного.

Женька еще раз зевнула и отвернулась, а я тихонько встала. Спать совершенно не хотелось. Лучше позвонить Ромке до занятий и немного поваляться в ванне.

Мужу я позвонила, а вот с ванной вышла незадача. Только я туда отправилась, как зазвонил телефон. Я бросилась к нему, боясь, что звонок разбудит Женьку.

– Анфиса! – голос Ольги срывался на крик. – Машу нашли.

Сердце мое совершило стремительный скачок вниз, от глагола «нашли» я не ждала ничего хорошего. И оказалась права.

– Меня в морг просили приехать, на опознание. А я как подумаю… у меня руки-ноги холодеют. Может, вы это… со мной. Все не так боязно.

– Когда вам нужно быть в морге?

– В одиннадцать.

– Мы за вами заедем.

Закусив губу, я повесила трубку и вздрогнула от неожиданности, услышав за спиной:

– Кошкину нашли?

Женька стояла в дверях и хмуро смотрела на меня, точно я была в чем-то виновата. В старину с гонцами, приносившими дурные вести, обходились круто, и я порадовалась, что те времена прошли.

– Ольга боится ехать одна на опознание.

– Нам к одиннадцати? Пойду умываться.

Женька ушла, а я отправилась на кухню готовить кофе. Когда подруга там появилась, я с унылым видом таращилась в окно. День был солнечный, но никакой радости я от этого не испытала, хотя с Кошкиной даже не была знакома. Если не считать ее письма и фотографии.

– Что произошло, Ольга не рассказала? – спросила Женька, устраиваясь напротив.

– Нет. По-моему, она сама ничего не знает. Теперь милиция всерьез займется этой историей и… – Я не договорила. Если это убийство, ясно, что расследовать его будут профессионалы, и путаться под ногами нам никто не позволит. Странно, но облегчения от того, что нам больше не надо приставать к людям с вопросами, а можно отправиться за город, я не испытала. А еще возникло чувство вины, что мы с Женькой опоздали. Хотя это было совсем глупо, раз мы даже не знаем, когда Кошкина погибла.

– Скверно, да? – спросила Женька, и я молча кивнула.

Выпив кофе, мы начали собираться. Тут в дверь позвонили. Женька находилась в спальне, и открывать пришлось мне. На пороге стоял молодой человек в кепке и радостно скалил зубы из-за огромного букета роз.

– Здравствуйте, – сказал он. – Вы Евгения Петровна?

Я убрала ответную улыбку и отрицательно покачала головой. Парень улыбаться тоже перестал.

– А Евгения Петровна здесь живет?

– Здесь. Давайте букет.

Парень с облегчением передал цветы, а я заорала:

– Евгения Петровна, это вам.

Появившись в коридоре, Женька равнодушно взглянула на цветы и закрыла дверь перед носом парня, так и не соизволив сказать спасибо, сунула букет под мышку, буркнула «ничему дураков не научишь» и пошла в кухню. Я побрела следом, все-таки поинтересовавшись:

– Что плохого в том, что он прислал цветы?

– Нужны они мне… Ладно, хорошие цветочки, пусть стоят. Я бы на месте Павла Ильича легла на дно и сигналов не подавала, а он букеты шлет.

– Может, сегодняшняя ночь оставила неизгладимый след в его душе. Кстати, а почему цветы сюда прислали?

– Я ему твой адрес дала. Ну, чтобы не надоедал в случае чего.

– Вот спасибо, – обрадовалась я. – Надеюсь, привычку присылать цветы по утрам он скоро оставит, потому что если Ромка… короче, он вполне способен переломать конечности твоему Петренко.

– А мне не жалко, – замотала головой Женька. – Лишь бы Ромочке в радость.

– Правильно тебя замуж никто не берет. Ты коварна и жестокосердна.

– Точно. Поехали в морг.

Мы спустились во двор, где на стоянке была моя машина.

– Ты чего вчера про поездку спрашивала, ну про то, что Пашкин дед возил их к месту своей службы?

Я коротко передала свой разговор с Кошкиным.

– Пашка сказал, может, и ездили куда, но он не помнит. Удивился очень, с какой стати это меня интересует.

– А ты чего?

– Воспылала бурной страстью, и с разговорами ему пришлось завязать. Думаешь, там в самом деле какие-то сокровища?

– Хрен знает. Теперь это дело милиции.

– А вдруг правда сокровища? Прикинь, мы найдем клад… Я бы тебя в Куршавель свозила.

– А то я без клада не могу туда поехать. И ты можешь, намекни своему Пашке, и, считай, ты уже там.

– Не интересно, – покачала головой Женька. – Вот если бы клад…

– Если бы клад, старикану ничто не мешало самому его найти. А он шестьдесят лет ждал неизвестно чего.

– Тоже верно, – пригорюнилась Женька. – А вдруг он какой-то особенный?

– Старикан?

– Клад. Вдруг его просто так не возьмешь?

– А мы, конечно, возьмем?

– Конечно. Лишь бы знать, где искать. Кошкину жалко, – вдруг вздохнула Женька. И я поняла: ее, как и меня, не оставляет чувство вины, и замолчала.

Ольга в компании нескольких женщин ждала нас возле своего подъезда. Они проводили нас напряженными взглядами.

– Соседки, – пояснила Ольга. – Весь дом уже знает. Такое несчастье. – Она заплакала, достав платок из сумки, и принялась рассказывать, как ей сегодня позвонили из милиции. – Ее в лесу нашли, недалеко от города. Там место тихое, жилья поблизости нет. Дачники на озеро пошли, ну и наткнулись на нее. Она возле дерева сидела, вроде как отдыхала. Только они сразу поняли… и в милицию.

Мы с Женькой переглянулись:

– Ее убили?

– Ничего такого он не сказал, ну, тот парень, что звонил.

Мы переглянулись вторично.

– Вот ведь, – вздохнула Ольга, вытирая слезы. – Был человек, и нет человека.

Мы подъехали к моргу ровно в одиннадцать. У дверей пасся следователь, который по иронии судьбы оказался нашим знакомым, что нас совсем не обрадовало.

– Аркаша, – буркнула Женька. – Надо бы хуже, да некуда.

Увидев Ольгу, Аркаша скроил скорбную мину, но тут же заметил нас и пакостно ухмыльнулся:

– Кого я вижу, великий русский писатель и цвет нашей журналистики.

– А ты все борешься за звание лучшего следователя, – съязвила Женька.

– Вы чего приперлись? – насторожился Аркаша.

– Группа поддержки. Ольга Алексеевна покойников боится.

– Боюсь, – закивала Ольга. – Теперь недели две точно не уснешь. Может, я как-то издалека? – Она тут же устыдилась своих мыслей и тяжко вздохнула.

– Не возражаешь, если мы вместе с ней пойдем? – спросила Женька.

– Вас в дверь не пусти, вы в окно полезете. Только я не пойму, какой вам интерес?

– Мы тебе о нем потом расскажем.

Тут я подумала, что мне идти вовсе ни к чему, раз Кошкину я видела только на фотографии, но, вздохнув, побрела за Женькой. Если честно, покойников я побаивалась, но решила, что сейчас не то время, чтобы потакать своим страхам. Надо взять себя в руки. Можно вообще на нее не смотреть, просто постою рядом с Женькой.

– Значит, так, – двигаясь по коридору, объяснял Аркаша. – В лесу труп находился несколько дней, так что предупреждаю, зрелище не из приятных.

– Ее что… съел кто-нибудь? – прошептала Ольга, бледнея.

– Ее «что»? – опешил Аркаша.

– Ну… там же звери. Нет?

– Какие там звери, радость моя, разве только ежики. Погода нынче стоит жаркая, – перестав веселиться, пояснил он, как видно сообразив, что его чувство юмора в стенах данного заведения несколько неуместно. – Что не способствует хорошей сохранности трупа. – Он опять хмыкнул и не к месту добавил: – В такую жару и святые тухнут.

Женька покрутила пальцем у виска, и Аркаша заткнулся. Распахнул перед нами дверь и кивнул, пропуская нас вперед. В фильмах, которые нам показывают, нет ни крупицы правды, или этот морг был какой-то неправильный. Именно эта мысль первой пришла мне в голову. Никаких там каталок и белых простынок. Труп лежал на столе с металлическим верхом, ничем не прикрытый, а я даже подготовиться не успела.

– Она, – пискнула Ольга, закатила глаза и стала оседать на плиточный пол. Аркаша ее подхватил и поволок в коридор. Я вознамерилась броситься следом, но отважная Женька шагнула вперед, и я, зажмурив один глаз и кося другим в сторону, пошла за ней.

Полминуты ничего не происходило, и я с облегчением подумала, что теперь нам ничто не мешает сбежать отсюда. И тут Женька произнесла:

– А это что такое? – И мне пришлось повернуть голову.

– Что, Женечка? – пискнула я.

– Вот здесь, на подбородке.

Ладно, труп – это всего лишь человек, только мертвый. Ничего со мной не случится, если я взгляну на человека. И я взглянула. На подбородке было два пятна, то есть пятен хватало, но эти были особенные. Похоже на след от ожога.

– Странно, – буркнула Женька, и я с ней мысленно согласилась. Перевела взгляд на руки женщины. Конечно, выглядели они неприятно, но никаких следов веревки или наручников не было. Недавно я осваивала учебник судебной медицины, желая придать своим детективам больше достоверности, и точно помнила: если человека сковывали, следы должны быть. Их отсутствие Женьку почему-то расстроило. Тут появился Аркаша.

– Вы здесь что, жить собрались? – осведомился он.

– Как думаешь, почему она умерла? – миролюбиво спросила Женька, направляясь к двери.

– Предварительный осмотр показал: никаких следов насилия, а отчего умерла – вскрытие покажет. Но скорее всего, труп не криминальный.

– Как не криминальный? А следы на подбородке?

– Еще надо установить, что это за следы. По-моему, ничего подозрительного.

– Ага. А что она делала в лесу?

– Грибы собирала. Или просто хотела прогуляться. Да мало ли что. Следов насилия нет, – повторил он сурово.

– Дело возбуждать не хочется, – съязвила Женька.

– Будет повод – возбудим, можешь не сомневаться. А вам детективы придумывать на пустом месте никто не позволит. Только людей от работы отрываете своими выдумками.

– Мы хоть раз чего-нибудь выдумали? – начала свирепеть Женька.

– Ладно, ладно, – махнул рукой Аркаша. – Топайте и подругу прихватите, а то будет у нас еще один труп.

Ольга, нанюхавшись нашатыря, с разнесчастным видом сидела возле морга на скамеечке.

– Вот тут надо расписаться, – обратился к ней Аркаша.

– Отвези ее домой, – шепнула мне Женька. – А я тут немного поболтаюсь.

Через пять минут мы с Ольгой направились к моей машине. Аркаша пытался смыться на своей, но Женька подхватила его под руку. О чем она ему шептала, я слышать не могла, но видела, как сначала он пытался вырваться, однако после третьей попытки покорился судьбе и затих.

Ольга всю дорогу плакала и моих утешений не слушала, что позволило мне погрузиться в размышления. Нежелание Женьки оставить идею о расследовании было мне, в общем-то, понятно. Мы столько всего успели узнать о Кошкиной, что теперь, когда она умерла, просто взять и выбросить ее из головы было совсем не просто. Проводив Ольгу до подъезда, где соседки терпеливо ждали ее возвращения, я поспешила вернуться к Женьке. Подъехав к моргу, я застала все ту же картину: моя подружка прогуливалась под руку с Аркашей, тот то нос чесал, то затылок, но удрать уже не пытался. Подходя к ним, я услышала слова Женьки:

– Аркаша, будь человеком, покажи нам это место.

– Мне что, делать нечего? – возмутился он. – Нет, Евгения Петровна, вы меня удивляете, я бы даже сказал, поражаете.

– Аркаша, ты меня лучше не травмируй, – предупредила она.

– Ну на хрена тебе эта баба? – кипятился он. – Я бы понял, если б убийство там или еще что, а из этого ничего стоящего не выжмешь. Баба в лесу заблудилась и умерла.

– Я выжму, ты, главное, место покажи. А я тебе тоже доброе сделаю… когда-нибудь.

– Ну, если только в другой жизни, – вздохнул он. – Ладно, поехали. Только быстро, у меня дел по горло.

Он направился к своей машине, а Женька прикрикнула на меня:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.